

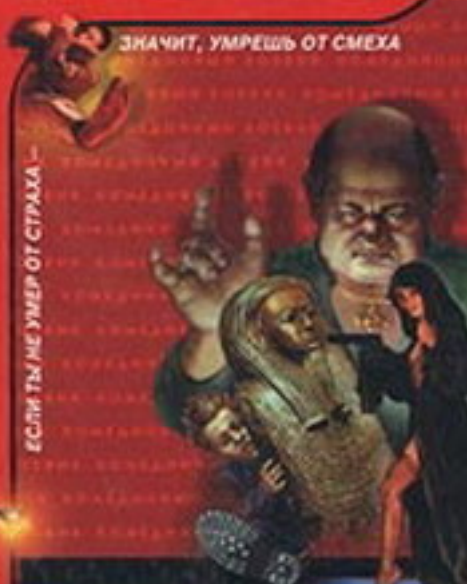
КОММЮНИКАТИВНЫЙ

Кондратий Жмуриков

Повесть О НАСТОЯЩЕМ ПАЦАНЕ

ЗНАЧИТ, УМРЕШЬ ОТ СМЕХА

ЕСЛИ ТЫ НЕ УМЕР ОТ СТРАХА —

Комедийный боевик

Кондратий Жмуриков

Повесть о настоящем пацане

«Научная книга»

Жмуриков К.

Повесть о настоящем пацане / К. Жмуриков — «Научная книга»,
— (Комедийный боевик)

Живет себе поживает простое московское семейство: «новый русский» папа, «новая русская» мама, «новые русские» детки, «новые русские» животные. И катилось бы все по наезженной колее, если бы папе, бывшему киллеру, вдруг не присоветовали сделаться потомственным дворянином. Всего-то делов – изготовить липовую бумагу. Но не тут-то было. В крутой водоворот событий вовлечены гангстеры и монахи, бомжи и миллионеры, бритоголовые девицы и волосатые мамыши, кошки и бультерьер. Не обошлось и без трупов. Правда, некоторые из них оживают...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1. ГОЛУБАЯ КРОВЬ	5
ГЛАВА 2. МОНСТРЫ И ЛЮДИ	11
ГЛАВА 3. ПОКОЛЕНИЕ «ПИ-ПИ»	18
ГЛАВА 4. РЕКОРДНАЯ ПО КОЛИЧЕСТВУ ТРУПОВ НА КВАДРАТНЫЙ САНТИМЕТР СТРАНИЦЫ	24
ГЛАВА 5. Я ЛЮБЛЮ НЕПРИЯТНОСТИ	31
ГЛАВА 6. ОГРАБЛЕНИЕ ПО...	38
ГЛАВА 7. В ЧЬЕМ-ТО ЧУЖОМ УМЕ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Кондратий Жмуриков

Повесть о настоящем пацане

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАША ЗАВАРИВАЕТСЯ

ГЛАВА 1. ГОЛУБАЯ КРОВЬ

Светлым московским утром, когда еще смог не поднялся выше седьмого этажа, из окна одой из квартир элитного многоэтажного дома раздавался характерный шум. Кроме щелканья тостера, жужжания электрической зубной щетки и воплей трех телевизоров до ранних прохожих доносились истерический лай, женский визг и звон падающих на пол культурных ценностей. Через пять минут, впрочем, все стихло.

После одна из фрамуг окна поднялась, и в нее просунулась толстая мужская рука, держащая пластиковый пакет. Рука размахнулась и швырнула сверток на улицу. Окно опустилось. Сверток шлепнулся на голову участкового, который беззлобно выругался, отпихнул пакет ногой и пошел себе дальше.

– Волечка, ну сколько можно? – капризно ворчала дама, неприятная во всех отношениях, стоя посреди кухни за тем самым пластиковым окном. – Он снова сожрал кота!

– Уй, ну отстань, а? – сказал «Волечка» – обладатель той самой толстой мужской руки. – Иди лучше умойся – смотреть противно.

Волечка достроил мультиэтажный бутерброд и засунул его в рот целиком – он торопился. Его вторая половина фыркнула, повернулась на шпильках домашних тапочек и пошла в ванную – смывать свой стильный «make-up» в стиле «vaу!»

В общем, утро в рядовой семье началось, как обычно. Впрочем, такой же обычной была эта семья. И квартира, в которой они жили, была тоже самой обычной двухэтажной восьмикомнатной московской квартирой. По ее улучшенно спланированным просторам вольготно носились четыре кошки, бультерьер и двое детей – мальчик пелевинского возраста и девочка, чей возраст не помнила даже ее мама.

Отец семейства своими детьми гордился, как своими высшими достижениями. Впрочем, ему и без них было чем гордиться: бычьей шеей, семисотым «мерседесом» и авторитетом у местной братвы. Еще у папы было дело – фирма «В-репу-дал».

«Все виды криминальных услуг: шантаж, заказное убийство, рекет. Цены – ниже рыночных. Дисконт для постоянных клиентов» – так гласила реклама. Делом папа тоже гордился – оно процветало и позволяло его дому быть полной чашей.

В доме царила мама – домохозяйка с соответствующим дипломом, которым она тоже гордилась. Мама – дама неприятная во всех отношениях – была существом наиболее загадочным в этом доме. Никто точно не знал, как она на самом деле выглядит, сколько весит, какого роста, какого цвета у нее были глаза, какого – волосы. Единственное, что в ней было постоянным – это то, что она все время была разной.

Домочадцы узнавали ее исключительно по пронзительному голосу со стильным новоарбатским «прононсом», который был так же основательным поводом для ее гордости. На Снежане Игоревне Вован Натанович женился из-за ее происхождения: шутка ли, ее родители

жили в Москве с 1812 года! Его бесила только ее манера называть его при пацанах Волечкой, а, в общем-то, она была ему безразлична, как статуя у входа в квартиру.

Короче, гордость этой семьи, семьи Дроздовых, была материальна настолько, что об ее выпирающие части спотыкались соседи по лестничной площадке, проходя мимо дроздовской двери.

Впрочем, это утро было не очень обычным по нескольким причинам.

Первая причина волновала горничную Верочку, которая не успела закончить уборку дальней комнаты к прибытию дорогих гостей. Гостями были детки, которые должны были приехать сегодня на уик-энд из своих лицеев и колледжей.

Вторая причина волновала маму, Снежану Игоревну: она никак не могла примирить свои сиреневые волосы с цветом нового салатного джакузи, по поводу чего было решено купить другое джакузи, пока мужа нет дома.

Третья причина волновала буфетьера Баха: в живых остались еще две кошки.

И, наконец, больше всех волновался глава семейства – Вован Натанович, у которого сегодня была совсем не обычная встреча.

* * *

– Вован Натанович, проходите сюда пожалуйста! – проблеял молодчик с платиновой улыбкой, сгибаясь перед ним пополам.

Холеная ладошка этого «Кена» надавила на латунную ручку двери и Вован Натанович прошел в зал. Ему указали место в заднем ряду, сбоку. Привыкший сидеть в первом ряду, Вован задрал свою круглую как глобус голову и увидел только лепной потолок.

«М-да, – подумалось ему. – Метраж, конечно, слабоват против моего. А отделочка так ничего себе – видно, эксклюзив». Просмаковав про себя модное слово, Вован опустил глаза и стал с напряжением рассматривать происходящее.

Это было достаточно трудно. Мешали букли на головах присутствующих дам. Вован поерзал на плюшевом стуле и попробовал подложить под седалище кулаки, чтобы приподняться над нестройными рядами голов сидящих впереди.

Ему это удалось. То, что он увидел, ему не понравилось. На скользком, как брылями лабрадора измазанном, паркетном полу, стоял громоздкий рояль, за которым восседала томная, похожая на сардельку дама. Сходство с сарделькой дополнялось ее розовым плюшевым платьем, которое разве что не лопалось по швам – до того оно было тесно. Дама стучала ногтями по клавишам инструмента, закатывая при этом глаза и раскачиваясь всем своим толстым телом.

Рядом с роялем стояла тощая и странная девушка с истерической формой рта и, заламывая руки, визгливо исполняла песню, которая, хоть и была на русском языке, Вовану показалась совершенно непонятной. Он опустил на стул и решил покуда подремать.

Не успел он закрыть глаза и как следует захрапеть, как его разбудили аплодисменты и крики «Браво!». Вован с готовностью захопал в ладоши, боясь в очередной раз опростоволоситься.

Опростоволоситься здесь было парой пустяков, Вован это твердо усвоил. С тех пор, как он решил для себя стать завсегдатаем этого общества, его жизнь превратилась в непрерывную цепь промахов. То он заходил на раут с кобурой, чем вызывал визг дам, то рассказывал анекдот, который никому не казался смешным, кроме его охраны. В общем, что он натворит в следующий момент, он сам заранее не знал, а потому панически боялся сделать лишнее движение.

После того, как утихли аплодисменты, перед роялем появился плешистый конференсье и, шепелявя, заявил:

– А сейчас, гошпода и дамы, я хошу предштавить вас ему вниманию нового шлена нас его ариштократи шешкого клуба. Вштрешайте... – он сделал паузу, как будто объявлял выход знаменитого иллюзиониста. – Граф Илья Александрович Федин!

Он взмахнул обеими руками, и всем стала видна прореха под левым рукавом его фрака. К роялю вышел бледный молодой человек в тертом пиджаке и грязных ботинках и стал раскланиваться, помахивая сивым чубом. Все снова стали аплодировать, а Вован Натанович почувствовал новый приступ злости и зависти.

«Ну вот, очередной отморозок, блин, а тоже – граф!»

Вован с тоской подумал, где был бы у него этот граф, если бы он попался ему в другое время и в другом месте. Но дело происходило здесь и сейчас – ничего не поделаешь.

В честь новообретенного графа немедленно был объявлен фуршет. Все оживленно стали двигать стульями и протискиваться в соседнюю комнату. Вован, наступая на чьи-то шлейфы, подался следом, предчувствуя, что сегодня его снова будет мучить отрыжка от кислого вина, якобы привезенного из Франции.

Вован занял самую выгодную позицию – у блюда с колбасой – и стал вяло улыбаться знакомым жующим лицам. Лица чопорно раскланивались, но в разговор с ним не вступали.

Наконец, к нему подошла высохшая мадам в коротких перчатках на руках и с винным пятном на жабо.

– О, Вольдемар! – жеманясь, произнесла она, просовывая свою птичью лапку в его ручищу. – Как мило, что вы здесь! Я вас сейчас познакомлю с очень интересным человеком! Серж, Серж, идемте к нам!

Возле них немедленно материализовался мрачный тип с обликом престарелого диктора телевидения и, вскинув подбородок, представился:

– Князь Сергей Мещерский.

– Серж, я вам говорила об этом замечательном человеке! Это – Вольдемар Дроздов. Ну, помнишь, он снял нам тот зал?...

Лицо Сержа потеплело, и он немедленно завел разговор о погоде, что в этом обществе считалось признаком хорошего тона. Теперь Вован по утрам вместе с курсом доллара изучал и сводку Гидрометеоцентра, чтобы поразить своим знанием всех движений циклонов и антициклонов.

Высохшая мадам, попросту – Зоя Александровна Тверская, поморщилась и перевела разговор на другую тему:

– Друг мой, – зашипела она, повисая у князя на руке.

– Вован Натанович хотел с тобой поговорить про другое.

Она сделала круглые глаза и указала ими наверх. Князь потащил Вована к окну, где, закрывшись пыльной портьерой, они отгородились от слишком уж громко чавкающего общества.

– Милейший, – протянул князь. – Мадам Тверская рекомендовала мне вас как очень толкового молодого человека.

– Да че уж там, – разомлел Вован. – Пацан как пацан.

– Скромность – тоже неплохое качество, – удовлетворенно кивнул князь, завистливо глядя на золотую цепь, обвивающую мощную шею собеседника. – Так вот. Вы хотите заявить о своих правах на титул, насколько я понимаю? Зачем это... вам?

Вован закатил глаза и стал извлекать из памяти фразу, заученную со слов мадам Тверской:

– Чтобы присягнуть на верность царю и отечеству, – от слишком интенсивных интеллектуальных усилий лоб Вована покрылся испариной – Да, батенька мой. Но для этого вам нужно по-настоящему стать дворянином. Это – дело времени... и денег.

* * *

Снежана Игоревна принимала грязевую ванну, когда Верочка сообщила ей о приезде детей.

– Ага, – отозвалась Снежана Игоревна из-под вонючей жижи. – Закрой бар на замок и поменяй код у сейфа. Пусть обедают без меня.

Распоряжение было достаточно разумно, но несколько поздно: бар был взломан и недельный запас спиртного испарялся прямо на глазах. Вернее – исчезал в желудке обоих отпрысков со скоростью автоматной очереди.

Верочка, вздохнув, взяла обоих за руки и оттащила в туалет – освежиться и приготовиться к обеду. Когда мама вышла в столовую, ее чада были уже вполне в кондиции – то есть, слегка подшофе.

– Гуд морнинг, чилдрен! – запела Снежана Игоревна, раздавая подзатыльники.

Она взяла за правило разговаривать с детьми по-английски. Впрочем, мама никогда не была уверена, понимают ли ее детки: в их ушах неизменно торчали наушники, а глаза выражали обычно чувство глубокого удовлетворения.

Проблем с детьми у нее не было. Самый большой дискомфорт они причинили ей, когда родились. И то она не была уверена, что сама их родила. У мужа всегда было достаточно денег, чтобы кого-нибудь нанять.

Единственной проблемой на данный момент для Снежаны Игоревны было отличить, кто из них кто. Они не были близнецами, у них была порядочная разница в возрасте, еще бы вспомнить – какая. Но глядя на деток со стороны, совершенно невозможно было установить их половую принадлежность: те же мешковатые джинсы, маечки, кроссовки, серьги в ушах, носах, пупках, губах, языках, бровях и... ну, да ладно. И прически – тоже одинаковые.

«М-да, – грустила Снежана Игоревна. – В мое время с этим проблем не было. Все парни носили длинные волосы, а девушки брились наголо...»

Однако только от невнимательного глаза матери способно было ускользнуть главное отличие, которое не могло не броситься в глаза постороннему наблюдателю. Ее дочь, Евгения, была умна, но умело это скрывала. Сынуля же ее, Валентин, был туп, как глобус, и этим очень гордился.

Сами дети, несмотря на свою внешнюю идентичность, друг для друга были не более чем виртуальные объекты – они не общались. Раньше их объединяла непримиримая война на почве музыкальных вкусов: Женя любила дрим-хаус, Валик же тащился от асид-хауса. Как они могли друг друга понять?...

Не успела семейка приступить к разворачиванию биг-маков, как раздался истерический визг. Все схватились за пояс и начали читать пейджеры.

– Не хочу быть пейджером. Хочу быть тамагочи. Покорми меня, – по складам прочитал Валентин, пожал плечами и выкинул пейджер в мусорное ведро.

В квартиру между тем ввалился глава семейства, а с ним – странное существо с перьями на голове. Все прекратили жевать и стали разглядывать вошедших, подозревая, что у папы – новый бзик, и он притащил из музея НАТО забальзамированный труп инопланетянина, чтобы украсить им интерьер детской.

Однако папа громогласно заявил:

– Знакомьтесь – княгиня Тверская.

В наступившей тишине громко лопнул пузырь Жениной жевательной резинки и упал на пол накладной ноготь мамы. Графиня стала что-то лепетать и, по своему обычаю, жеманиться. Снежана Игоревна выдернула из ушей своих отпрысков наушники и придвинула княгине табуретку.

– Княгиня решила нас проведать, чтобы дать совет. Бесплатный, – Вован Натанович многозначительно поднял палец.

– Интересно, что может посоветовать мне эта перфорированная вобла? – вслух подумала Жени и получила затрепину от папы.

– А это, вероятно, Валентин? – кисло заулыбалась княгиня.

– А это, вероятно, та старая перечница, которая доит папу, пользуясь его добротой? – поддержала светскую беседу Жени, облизывая пальцы.

– В детскую, – скомандовала мама, выдергивая табуретку из-под попы дочери и толкая в плечо сынулю. – Знаете, они после этой дурацкой школы такие ранимые! – откомментировала она случившееся.

Княгиня, к счастью, была слишком поглощена разглядыванием картины на стене, чтобы обратить внимание на подобные мелочи.

– Скажите, а это разве не Моне? – благоговейно прошептала она. – Какая хорошая репродукция...

– Ну, что вы, какая репродукция! – обиделась Снежана Игоревна, которая гордилась своим умением подбирать картины под цвет обоев и оттенок своих контактных линз.

После небольшой заминки со столовыми приборами – в семье Дроздовых гамбургеры ели руками, а княгиня настаивала на ноже – разговор перешел в более деловое русло.

– Я знаю о ваших проблемах, душечка, – обратилась княгиня к хозяйке дома, ласково положив ей на руку свою лягушачью лапку.

Снежана Игоревна чуть не поперхнулась: откуда эта бабуленция знает о ее целлюлите? Оказалось, что Зоя Александровна имеет в виду другое.

– Но мы – общество «Дворянская Россия» – приложим все усилия, чтобы вам помочь. С чего нужно начать? Начать нужно с себя. Ведь вы же – знатная дама, обязаны будете давать балы и принимать у себя знаменитостей. Вам просто срочно требуется заняться изучением всех тонкостей этикета, иначе лучше и думать забыть о том, чтобы вас представили государю.

– Какому государю? – округлила свои густо зарисованные глаза Снежана Игоревна. – Президенту, что ли? Так мы с ним знакомы...

Княгиня замахала руками:

– Что вы! Я говорю о нашем государе, отпрыске Романовых, который вот-вот вернется на родину из изгнания, и мы, дворяне, поможем ему снова занять законный престол.

Снежана Игоревна задумалась, что было для нее не свойственно. Она пыталась вспомнить, кто такие Романовы и какой престол в их стране вообще есть. Не придумав ничего вразумительного, она решила после посмотреть в Интернете, а пока со всем соглашаться.

– Итак, вам необходимы опытные наставники и педагоги – мы вам их предоставим. Еще вам нужно позаботиться о своих детях. Ведь дети – будущее новой России. Девочку необходимо отдать в пансионат, мальчика – на военную службу.

– Да вы что! – закричала Снежана Игоревна. – Мы его только от армии отмазали! Пришлось купить сыну целую клинику, которая поставила ему инвалидность, а потом еще подарить военкомату танк, чтобы нашего беднягу случаем не забрали, а вы...

Она даже задохнулась от возмущения. Княгиня поджала губы.

– Ладно, тогда – по гражданской службе. Адвокатом, например.

– Это – да, – с облегчением вздохнула мама. – Мы как раз собирались отдать его в юридический.

– Лучше – за границу, – авторитетно заметила Тверская. – У нас учат тупо брать взятки. А настоящему адвокату нужна фантазия... А теперь, если позволите, мы поговорим с вашим мужем – строго конфиденциально.

Снежана Игоревна фыркнула и ушла в свою комнату. Княгиня проводила ее взглядом и заговорщицки подмигнула главе семейства, который никак не мог вставить ни слова в утонченную беседу двух дам.

– Ну что ж, милая у вас семья, ничего не скажешь. У вас есть все шансы возглавить новое общество. Вот только с законными основаниями у вас, как я понимаю...

– Полный голяк, – утвердительно кивнул Вован Натанович.

– Что ж, дело понятное – все сгинуло в огне десятилетий, – Тверская подняла глаза к потолку и горько вздохнула, вспоминая собственную серую жизнь до тех пор, пока она ее не озарило ее высокое призвание.

– Но я вам помогу.

Вован Натанович с готовностью достал из кармана чековую книжку и нарисовал несколько нолей. Кинув взгляд на тощую шею Зои Александровны, он дорисовал еще один ноль и протянул чек княгине. Та покраснела и спрятала хрустящую бумажку за жабо.

– Вам нужны две вещи, – подняла она соответствующее количество пальцев. – Символ власти и документы.

– Не понял, – промычал Вован Натанович, высыпая на стол наличность и права на машину. – А это?

Княгиня поморщилась.

– Да нет же! Вам нужны семейные реликвии – фамильные драгоценности там или поместья, которые достались вам по наследству...

– А – брюлики, что ли? Так их у Жанки – полная тумбочка. А дача у нас в Поволжье – там раки жирные.

– А подтвердить то, что это вам перешло по наследству от ваших высокопоставленных родственников, сможете?

– Квиток тебе, что ли, из ювелирного или купчую на дом?

– Нет. Нужны документы. Старинные бумаги – на гербовых бланках и с фамильной печатью, – ерзала от нетерпения Тверская. – У вас есть фамильная печать?

Вован выставил на стол набор печатей своего доходного предприятия. Княгиня взяла одну из них, рассмотрела через треснувший лорнет и заявила:

– Не пойдет. Нужен герб. Какой у вашей фамилии герб?

Вован тяжело вздохнул. Что нужно ему от этой странной дамы, он не понимал.

– Минуточку, – кивнул он и стал звонить по мобильному.

– Саныч? Ты дома? В ванной? Так, быстро сушишь феном, бери папку и ко мне. Да, одеться не забудь... Сейчас мой адвокат приедет. Шарящий чувак, – уверил Вован княгиню, пряча мобильный в карман.

Княгиня томно улыбнулась и попросила добавки.

ГЛАВА 2. МОНСТРЫ И ЛЮДИ

«Шарящий чувак» был юрисконсультom фирмы Вована, и в его прямые и непосредственные обязанности входило придумывать законные основания для противозаконной на первый взгляд деятельности предприятия. Оказывалось, что на второй взгляд при посредстве грамотного юриста эти действия были не такими уж незаконными, а на третий взгляд фирма Вована Натановича занималась чуть ли не благотворительностью. Сам же Александр Александрович был в душе искателем справедливости, но это чувство всплывало в нем исключительно тогда, когда размер требуемой взятки превышал его недельный заработок хотя бы в полтора раза. Короче, это был вполне талантливый, а потому высокооплачиваемый правовеd.

По прибытию своему на место, Сан Саныч быстро разобрался в том, о чем говорила эта странная тетенька с обликом посмертной маски Тутанхамона. Юристконсульт важно покивал головой, выслушав ее подробный доклад, заглушаемый время от времени воем запертого в другой комнате бультерьера, и стал в уме переводить полученную информацию на общепринятый язык.

– Короче так, – наконец выдал он, обращаясь к главе фирмы и семейства. – Старуха дело базарит. Прежде, чем понты кидать, надо фуфлом затариться. Надо ксивуху сделать типа нормальную и за печаткой слетать куда надо.

Посоветовавшись еще какое-то время, экстренно созданная авторитетная комиссия из трех человек наконец вынесла решение: немедленно приступить к поиску нужных семье исторических реликвий в составе:

- а) гербовой бумаги, подтверждающей подлинность родословной;
- б) печати с фамильным гербом.

Ответственным за исполнение назначить Вилкова А.А., координирующим центром – Дроздова В.Н.

– А я буду за вас молиться, – сказала графиня, закатывая глаза и прижимая испачканную горчицей руку к груди, где так сладко шелестела бумажка с циферками.

* * *

Под детскую были отведены две самых дальних комнаты, до которых так и не добрались рабочие, отделяющие квартиру – заблудились по дороге. Впрочем, это было не нужно. Детки сами так отделали комнаты, что ее не узнал бы сам проектировщик. Как ни странно, обе комнаты были совершенно идентичными, и в жилище Валентина интерьер ничем особенным не отличался от интерьера Жениной комнаты. По этой причине случалось часто так, что, вернувшись домой «на рогах», детки путали комнаты, что, впрочем, никакой роли в их жизни не играло.

Снежана Игоревна избегала навещать своих детей – и правильно делала. Ее тонкая душевная организация не перенесла бы подобного потрясения. Горничная перед уборкой непременно одевала противогаз и общевойсковой защитный комплект, а вся уборка заключалась в основном в растаскивании по углам крупных обломков мебели. Вован Натанович, подавив сыну комплект для пейнтбола и сложив его в углу, больше здесь ни разу не появлялся. Короче, можно было утверждать, что дети жили уединенно.

Возвращаясь с обеда, Валик заглянул в бар, но, встретив отчаянное сопротивление горничной, ничего, кроме бутылки «мартини» так и не достал. Зато возвратившись в комнату, застал в ней своего закадычного приятеля – Лелика. Лелик висел на турнике вверх ногами закрыв глаза и раскачивался, словно груша на ветке.

– Хай, Лелик, – лениво произнес Валик.

Лелик немедленно ссыпался с турника, громко заорав:

– Кто обкуренный? Я обкуренный?

Валик подскочил к товарищу, оттянул ему веки и разочарованно сказал:

– Ну, вот! Не мог меня, что ли дождаться?

Лелик мигал красными, как помидоры, глазами и улыбался так, что было видны слезы.

– Гы-гы-гы! – сказал Лелик и упал на спину, дрыгая ногами.

– Друг называется, – обиделся Валик, откупоривая бутылку.

Лелик, был, конечно, друг – притом лучший. И основание у их дружбы было самое лучшее – общая страсть к виртуальным играм и расширенному сознанию. В экспериментах с последним друзьям удалось достигнуть небывалых высот: они смогли понять мультфильм про ежика в тумане.

Пока Лелик пребывал по ту сторону своего собственного сознания, Валику ничего не оставалось делать, как напялить на себя виртуальный шлем, чтобы наколбасить пока что пару тонн монстров.

Это дело так затянулось, что за это время Лелик отошел. Он поднялся с пола, огляделся, увидел своего товарища, конвульсивно дергающегося в кресле, похихикал над ним немного, приколовшись его андроидному виду, и почувствовал, что ему хочется пить. Заметив на столе початую бутылочку «мартини», Лелик взял ее в одну руку и стал прохаживаться по комнате взад вперед, ища глазами за что зацепиться. Ждать ему пришлось недолго – глаз зацепился за стопку глянцевого журналов для настоящих мужчин, на обложках которых красовались почему-то исключительно голые женские попки. Зацепился он так хорошо, что журналы посыпались с полки на пол, настучав Лелику по макушке.

– Вот, блин, – ругнулся Лелик (впрочем, менее литературно) и стал собирать клубничное чтиво.

Водружая порядком пожеванные его стараниями журналы на место, он вдруг заметил что-то, несказанно его удивившее. Присмотревшись повнимательнее, Лелик увидел корешок книги.

– Опа! – радостно сказал он. – Валик в ботаны решил податься!

Он подхватил тяжелый томик, зеленый маркер и шмякнулся на диван, предвкушая веселое времяпрепровождение.

– Та-ак, – открыл он первую страницу и замер с маркером, зажатым в поднятой руке. – Эх ты!

Оказалось, что дерматиновый переплет скрывал под собой отнюдь не книгу, а альбом с марками. Лелик принадлежал к новому поколению, которое выбирает лимонад и кое-что еще, а потому ему и в голову не пришло заняться рассматриванием коллекции марок. Он, не долго думая, засунул одну из них в рот и тщательно прожевал, приговаривая:

– Ну, Валик, приколот чувак! В альбомчик! Ха-ха-ха.

Лелик поржал немного, отхлебывая время от времени из бутылки. Потом ему внезапно стало скучно и он понял, что проглоченное им – немного не то, что он имел в виду.

– Что за фуфло? – спросил он у себя вслух. – Что-то меня не впирает.

Злой от разочарования Лелик попытался встать на ноги, но вдруг увидел, что под ним нет пола. Вместо пола была глубокая яма, на дне которой копошились какие-то разноцветные червячки. Зрелище червячков надолго заняло внимание Лелика – они были потешные и напоминали ему его одноклассников. Вдруг один поднял голову и помахал Лелику хвостом. Лелик, узнав себя в ужасе вскочил на ноги и обнаружил, что стоит на потолке. Под ним, а вернее – у него над головой, виднелся все еще геймящийся друган.

Вокруг люстры ездил на роликах полуобнаженная Бритни Спирс, мурлыкая себе под нос какой-то мотивчик. Она увидела Лелика, остановилась и, склонив голову на бок, голосом преподавателя физики произнесла:

– Ты, Котов, просто debil: угол падения равен углу отражения, – и, засмеявшись, растаяла в воздухе.

Лелик замахал руками, пытаясь удержаться в прежнем положении, но тут же оказался снова на полу, причем – стоя лицом, вернее – носом, к стене. По стене плыло и переливалось одно огромное письмо, на котором стоял адрес города Амстердама. Лелик задумчиво подошел к столу, взял с него альбом и открыл его на самой середине.

* * *

– Где ксиву брать будем? – вытолкав графиню из дверей, спросил у своего гениального юриста Вован Натанович.

Сан Саныч поднял голову от образца документа, который вручила ему Тверская и задумчиво проговорил:

– Ну, где ж его возьмешь? Подделывать надо.

– Так порепают, – устало проговорил Вован Натанович.

– Ничего, – успокоил его юрист. – Мы вам такого спеца найдем – закачаетесь. Вы сейчас на колесах?

– Чего?

– Ну, тачка на ходу?

– Ну да.

– Тогда собирайтесь. И смените этот ужас на что-нибудь более молодежное.

Вован Натанович с удивлением окинул взглядом свой «Nike» и пожал плечами.

– А это что, не подойдет? – поинтересовался он у Саныча.

– От вас за километр вашими киллерами разит, Вован Натанович, а мы с вами к интеллигентному человеку едем.

Вован Натанович покорно сменил «Nike» на «Adidas» и, подумав, добавил к золотой цепи серебряную. Саныч, увидев его маскарад, поморщился, но возражать не стал – времени и так было мало.

Поколесив по пустынным в этот полуденный час дорогам города, они свернули в один из спальных районов и вошли в вонючий подъезд. Вован Натанович долго оглядывал двери, пытаясь понять, где на них видеокамера и фотоэлементы, но так и не угадал.

– Японцы, – пробормотал он про себя, протискиваясь в не менее загадочный лифт, который оказался портативным и не имел светодиодов.

– Это что – трущобы, что ли? – наконец осенило Вована Натановича при виде мусорной кучи на лестничной площадке.

– Не-а, – отозвался Саныч, занюхивающий местный аромат рукавом пиджака. – Спальный район.

И стал стучаться в одну из железных дверей. За ней послышался слабый шум, а потом открыла типичная гидроперитовая блондинка со следами былой красоты по всему лицу и спросила:

– Вам кого?

– Нам бы Славу, – гнусава от разыгравшейся аллергии проговорил Саныч.

– А Славы нет, – отозвалась блондинка, начиная плотоядно улыбаться при видтвидового пиджака и золотых оправ Саныча. – Слава в Интернете.

– Давно? – упавшим голосом спросил Саныч.

– Уж третьи сутки, – сокрушенно вздохнула дама.

– Выводить не пробовали?

– Что вы! Ломает, – еще грустнее сказала женщина и подбородок ее задрожал. – Уж всю мебель загнал, сволочь, и все мало ему.

Саныч, подвинув женщину в сторону, прошел в квартиру, которую Вован Натанович принял сперва за прихожую и все пытался пройти в балконную дверь дальше. Квартира действительно была пустовата: из мебели в ней был только стол, стул и парень, сидящий за компьютером. Со стены смотрел странно знакомый человек в очках с подрисованными рогами. С первого взгляда Вован Натанович принял парня за шимпанзе – настолько он был горбат и волосат. Потом он убедился, что обезьяна курит бычок и понял, что это и есть тот самый загадочный Славик.

Саныч подошел к компьютеру, внимательно посмотрел на монитор, сказал:

– Тяжелый случай, – сел на пол и открыл неизменно находящийся при нем черный чемоданчик.

В чемоданчике находился кроме полного ассортимента канцелярского магазина еще и ноутбук сиреневого цвета. Вован Натанович посмотрел на вдумчиво колдующего над аппаратом юриста и спросил:

– Ты чего? – он помолчал. – Это тот, что ли, кент, который нам должен бумажки сделать?

– Тот-тот, – отозвался Саныч.

– А че ж мы его не крутим?

– Разговаривать с ним в подобном состоянии – бесполезно. Он сейчас в Интернете и не выйдет оттуда, пока его провайдер за неуплату не отключит. А судя по всему это случится нескоро. Даже если это и случится, я не думаю, что он сможет отвечать на наши вопросы, потому как, скорее всего, он устную речь не воспринимает, как, впрочем и письменную.

Щас мы ему по «аське» звякнем и обо всем добазаримся.

– Да ладно! – скептически отозвался Вован Натанович, поигрывая печаткой в виде кастета. – Че он с нами, нормальными пацанами побазарить откажется?

– Не откажется. Только базар фильтровать придется, – миролюбиво сказал Саныч. – Через комп.

Тут в компьютере Славика что-то жалобно вякнуло. Парень оживился, дружелюбно защелкал мышкой и застрекотал клавишами.

– Ага, – радостно сказал Саныч. – Работает.

Вован Натанович, с трудом согнув жирные коленки, присел рядом с Санычем, с интересом поглядывая на экран ноутбука.

Там горела надпись: «и тебе привет сорока!:(:))))))))) как жизнь?»

Саныч набрал в свою очередь: «Дела нормалек; нужно от тебя кое-что».

В таком режиме прошла недолгая, но очень насыщенная щелканьем клавиш беседа, в один из моментов которой Саныч поднял голову и спросил у замершей на входе блондинки:

– Вернись, у тебя сканер на ходу?

Вера поманила Саныча, он исчез на минуту, а потом появился, неся дискету, которую немедленно засунул в щель компьютера Славика и снова вернулся к ноутбуку.

– Облом, Вован Натанович, – наконец сказал он.

– Это почему? Этот козел волосатый тебе отказал? – багровея затылком переспросил теряющий терпение от этого странного шоу начальственный громила.

– Да это он сказал. А еще он сказал, что документы такого рода, как тот, который мы ему предоставили, нельзя подделать с помощью известных ему методов. На то нужна специальная бумага, тушь, да и способности некоторые необходимы. Ни того, ни другого, ни третьего у этого гения компьютерной мысли нет.

– А у кого есть?

– Сейчас узнаем, – Саныч послал Славiku нужный запрос и через некоторое время сообщил результат: – Он не знает, но если мы согласимся подождать, он поищет информацию в Интернете.

– Ладно, согласимся, – сокрушенно сказал Вован, шумно вздыхая, словно бык.

* * *

Монстры вели себя все хуже и хуже. Валик посмотрел-посмотрел, как его обгрызают со всех сторон и решил, что с него на сегодня достаточно. Он снял с себя шлем, решив вернуться к серой обыденности. А когда глазам Валика вместо бескрайних галактических просторов предстала его собственная комната, он подумал, не замкнуло ли его компьютер. Он увидел то, чего увидеть не мог: возле стены на коленях стоял его друг и меланхолично лизал марки, а потом ляпал их на стену, стараясь сделать это как можно более ровно. Валик потерял дар речи, даже если до той поры и не обладал им в полной мере: марками была обклеена уже вся дальняя стена, с потолка до пола.

– А-а-а! – заорал Валик, бросаясь к другу и вырывая у него из рук альбом, в котором уже осталось не более трех марок.

– Ты чего наделал-то? – орал он на Лелика, все еще не веря своим глазам.

Лелик поднял на друга глаза и Валик понял, что ни на какие вопросы в принципе этот человек ответить не сможет в ближайшие суток трое: вместо глаз у Лелика были какие-то спиральные круги, с пробежавшими то и дело электрическими искрами.

– Вот это да, – пробормотал Валик, с трудом понимая, что дальше делать. – Лелик, ты только будь здесь. Лелик, ты только ничего не делай, ладно? Мы тебя спасем.

Валик достал из кармашка телефончик, плоский как бумажка, с наушником, капюшончиком на случай дождя и варежкой на случай мороза – специальное предложение от Си-Плюс-Плюс, и торопливо набрал номер.

Из трубки раздалось:

– Стань тем, кто ты есть. Не будь тем, кого никогда не будет...

– Але! Да выключи ты свой автоответчик! Я те по делу звоню, – заорал вусмерть перепуганный Валик.

– Джа у телефона, – раздался наконец ленивый голос.

– Слушай, тут пацан ЛСД обглотался. С ним чего будет?

– С ним будет трип, – лаконично отозвался тот, кто назвал себя Джа.

– Да не – он много обглотался.

– Много – это сколько?

– Ну-у, – Валик бросил взгляд на стену. – Метров пять квадратных – если в один слой.

– Долгий трип, – констатировал Джа.

– А умереть он может? – оглянулся Валик, заметив, что Лелик медленно валится на бок. – Ему укол там в сердце, например, делать не придется? Я скафандр дырывать не умею...

– Чтобы получить передозняк от ЛСД имеется два способа: съесть его тонны полторы или утопиться в бассейне раствора лизергиновой кислоты, – все так же невозмутимо проговорила трубка.

– Так значит что?

– Да выживет твой друг, выживет, – потерял, наконец, свое олимпийской спокойствие Джа.

– А, ну ладно, – сразу успокоился Валик и положил трубку в карман.

Трубка немедленно распищалась.

– Чего? – спросил ее Валик.

– Только он с ума съехать может запросто. И прощаться надо! – сердито проговорила трубка и снова запикала – на этот раз коротко.

– Был был бы еще ум, – проворчал Валик и посмотрел на стену.

Теперь, когда здоровье друга его больше не беспокоило, Валик вспомнил, что у него теперь появилась еще одна проблема – две проблемы сразу в его голове не уместались. Он посмотрел на стену и проговорил:

– Уй, блин!

* * *

Дело было хреново – обломался бизнес. Бизнес был достаточно доходный и совершенно не рисковый. Валик обычно не любил заморачиваться, но тут приперло: близилась большая вечеринка у Бенино, а папа прекратил выдачу карманных денег после того, как Валик разбил мамин роллс-ройс после уютно проведенного вечера со своими друзьями.

– Ну, помял машину немножко, – ныл Валик на семейных разборках. – Но это же не повод так жестоко обращаться с человеком.

Ни нитьем, ни катаньем он ничего от родителей не добился, а потому решил проявить свою мужескую гордость и заработать деньги честным путем, как все нормальные люди. Честных путей было два: исполнение стриптиза в баре напротив и розничная торговля кайфами разного рода. Первый способ ему не подходил – Валик был маловат ростом. А вот второй, более благородный, был самый оптимальный.

Валик сделал серьезное лицо и пошел к местному «банкиру», которого звали Бумбастик. Бумбастик носил черные очки, дреды и расшнурованные кеды – для конспирации. Он часто терял пакетики с героином в туалете, но их ему неизменно возвращали благодарные клиенты.

– Что, бой, хочешь заняться бизнесом? – гнусаво спросил «банкир», шмыгая носом, испачканным чем-то белым. – Это хорошо. Это похвально.

Он замолчал минут на пятнадцать, а потом продолжил, как ни в чем не бывало:

– Это – работа всем на благо. С чего предпочитаешь начать: крек, кокаин, герик?

– А можно что-нибудь попроще?

– Тогда – марки, – безапелляционно заявил Бумбастик, выкладывая на стол объемистый альбом.

– Это че? – переспросил Валентин, перелистывая архаичного вида страницы.

– Это не че, а «Люся», – одернул его дилер. – Возьмешь под реализацию на неделю. За каждый просроченный день – десять процентов. Свободен.

Он откинулся на спинку стула, на котором сидел, голова его немедленно свесилась на бок, а рот открылся и из него выкатилась жвачка.

– По чем хоть продавать-то, – постучал по стеклу очков озадаченный Валик.

– Десять – мне, а там – как хочешь, – совершенно неземным тоном ответил Бумбастик.

Валик прихватил альбомчик и понес его домой. Как раз сегодня он собирался притаранить его в библиотеку, где в кафешке – опять же для конспирации, собирался клуб по интересам «Химические братья», члены которого к химическим веществам относились достаточно плотно.

И вот теперь – теперь пропало все, причем – действительно все. Стена, обклеенная от потолка до пола ЛСДешными марками могла быть выставлена в музее в качестве назидания потомкам, но прибыль с этого сомнительного предприятия заставляла ждать, а деньги были нужны Валику сразу и все – недельный срок истекал.

– Вот, блин, урод, – пнул он со злостью своего лучшего друга, пребывавшего в данный момент в лучшем из миров судя по его выражению лица. – Где я теперь такие бабули возьму, где?

Валентин нагнулся над другом и орал ему в самое ухо, но это было столь же эффективно, сколь и общение с представителями флоры, стоящими у мамы на столе.

Валик присел на пол и стал раздумывать, что делать дальше. Его мыслительные способности не позволяли ему изобрести оригинальный способ выхода из экстремальной ситуации, а обратиться за советом к более смысленной сестре ему не позволяла боязнь опять оказаться в роли семейного идиота.

– Сама дура! – пробурчал Валик себе под нос, вспомнив переперченный лексикон своей сестрицы.

Но действовать надо было, причем действовать немедленно. Валик быстренько собрался и вышел на улицу, направляясь к Арбату, который в его представлении был «вондер-стрит» и содержал в себе решение всех проблем и ответ на все вопросы.

Он уже на лестнице вспомнил, что Лелик так и остался валяться посреди комнаты в полубоморочном состоянии. Пришлось возвращаться – его могли просто выбросить на свалку при уборке.

– Куда ж тебя деть? – волок на себе друга Валентин по коридору.

Вдруг раздались чьи-то шаги и времени подумать не оставалось.

– Этого еще не хватало! – пробормотал Валентин, свернул в первую попавшуюся комнату и засунул Лелика в шкаф и выбежав из квартиры.

ГЛАВА 3. ПОКОЛЕНИЕ «ПИ-ПИ»

– И чего? – Вован Натанович тупо смотрел в распечатку, совершенно не понимая, что же в конечном итоге из всего этого следует.

– А то, – объяснил Саныч, – что имеем мы теперь следующее. Всяческие гербовые бумаги делают два человека в доступном нам, так сказать, радиусе.

– В чем, в чем?

– Ну, живут неподалеку. Это отец Арсений из-под Ужгорода – раз, и падре Золтан – модьяр, кажется, – объяснил Саныч.

– То есть что – попы, что ли?

– Выходит, что так, – разве руками Саныч. – Объясняется это тем, что у них в хранении церковные книги – это раз, есть старинные пергаменты – это два, а уж о том, как такие бумажки оформляются – им ли не знать? Вот по всему и выходит, что вашу родословную со славянским уклоном можно только у них оформить – как ни крути.

– Понятно, – пробасил Вован Натанович.

– Вот адреса церковных учреждений, к которым они должны быть приписаны, – продолжал Саныч. – А уж дальше действуйте, как найдете нужным.

– Полдела – это уже хорошо, – философски заметил Вован Натанович, поднимаясь без усилия с пола.

– До свидания, – обернулся в двери Саныч, обращаясь к блондинке. – Советую вам обратиться к специалисту.

Не успели они выйти из квартиры, как позади раздался дикий вой.

– Ну вот, – откомментировал Саныч. – Связь посыпалась.

* * *

Снежана Игоревна не любила бросать слов на ветер или терять время. Как только за высушенной графией закрылась дверь, заботливая мама набрала телефонный номер:

– Але, это агентство? Это вам Дроздова звонит. Что? Вы больше не можете мне горничную послать – Они у вас кончились? – удивленно переспросил а Снежана Игоревна. – Ой, девушка, не нужно умничать, я вам совершенно не по этому поводу звоню. Мне срочно нужна гувернантка. Да-да, со знанием языков. Да. Да. Весь комплекс, пожалуйста, и с дополнительными услугами. Сколько лет? Что-то около двадцати. Или двадцати пяти. Что? Девушка, мы вам по двойной ставке оплатим.

Только постарайтесь выбрать кого-нибудь... Ну, вы меня понимаете – с аристократическим воспитанием. Да. Да. Наличными.

По факту. Сегодня? Хорошо.

Снежана Игоревна нажала на кнопку телефона и прокричала в глубь квартиры:

– Женька! Бегом ко мне!

Дочь не отзывалась.

– Вот негодяйка, – покачала головой Снежана Игоревна, ужасаясь перспективе спуститься на первый этаж и наведаться в детскую.

Но деваться некуда: кто был горой, а кто должен был идти к ней, предстояло разбираться впоследствии. К счастью, все оказалось гораздо менее запутанно. Проходя по коридору мимо второй ванной комнаты, Снежана Игоревна почуяла запах сигарет и услышала громкое фальшивое пение. Сомневаться не приходилось: дочурка принимала ванну.

– Darling! – ввалилась в комнату мамочка, спотыкаясь о раскиданные вещи и щурясь от стоящего коромыслом дыма. – Вылазь скорее – у нас скоро будут гости.

Пение не прерывалось, дополняемое таким плеском, будто здесь резвилась парочка покусанных бешеной собакой дельфинов.

Снежана Игоревна побрела по ванной комнате, приблизительно ориентируясь по пению, в поисках дочери. Наконец мама наступила в глубокую лужу и вскоре разглядела силуэт лежащей в пене и дыму Евгении, которая смолила толстенную сигару и слушала плеер, подвешенный за веревочку к душе.

Снежана Игоревна, выдернула штекер наушников из плеера и нажала кнопку слива воды. Оставшись без музыкального сопровождения и без водной процедуры, Женя открыла глаза и вопросительно посмотрела на маму:

– Что еще? Опять пинцет сломался?

Этот вопрос мог вывести Снежану Игоревну из себя часа на полтора, и вот почему. Кроме известного уже целлюлита, у Снежаны Игоревны была еще одна серьезнейшая проблема – постоянно растущие волоски по всему телу. Она уже испробовала все средства – от лазерной эпиляции до горячего воска – и это не принесло ей никакого облегчения: проходило некоторое время и волоски начинали расти снова. Снежана Игоревна слезами обливалась, сидя над модными журналами:

– Ну как, как это у них выходит? – тыкала она наманикюренным пальчиком в гладкие, как бананы, тела фотомоделей.

Она консультировалась со всеми известными ей специалистами и ей отвечали одно и то же: рост микроскопических волос на теле – совершенно естественен для всех людей. На это Снежана Игоревна отвечала:

– Козлы вы все! Я вам не за консультации по биологии денег даю!

И снова пускалась во все тяжкие в борьбе с ненавистной волосатостью. В конце концов, Снежана Игоревна успокоилась на одной чисто автоматической мании. Ее можно было круглые сутки застать перед зеркалом выщипывающей волоски на какой-нибудь части своего тела.

– А что делать? – жаловалась она по телефону подружкам. – Только ножки становятся гладкими, как кегли, глядь, а брови уже отрасли и стали, как у Брежнева.

Время от времени в доме разражалась истерика, слышная даже на первом этаже – у Снежаны Игоревны ломался пинцет. Если же этот критический момент совпадал с исчезновением в доме всех запасов полезного инструмента, это было сравнимо по значимости только с национальной катастрофой. Снежана Игоревна выбегала на улицу, в чем мама родила, причитая: «Пинцет, пинцет, пинцет!», и успокаиваясь только тогда, когда находила мало-мальски приличный пинцетик и выдергивала им хотя бы с десяток волосков.

Именно поэтому расчет Евгении был совершенно верен: упоминанием о маминой слабости можно было сразить ее наповал. Однако, Снежана Игоревна, имеющая некоторый опыт общения с собственной дочерью, на провокацию не поддавалась и сладким голосом произнесла:

– Нет, девочка, я за тобой. Вылазь скорее и пойдем – у нас сегодня гости.

Женя равнодушно наблюдала свои быстро обнажающиеся острые колени и плескала ручкой в воде.

– Что, опять твои глупые суки придут мне свои тряпки впаривать?

Снежана Игоревна картинно схватилась за свое совершенно здоровое сердце – это было уже выше ее сил. Но – дело стоило жертв.

– Одевайся, – бросила она халат дочери. – К тебе сейчас придет гувернантка. Будем из тебя светскую львицу воспитывать.

Ее безапелляционный тон не произвел впечатления на дочь. Женя зевнула и повернулась к маме голой попой, всем своим видом показывая, что она лучше останется замерзнуть в ванной, чем вылезет встречать очередной отброс общества.

– Права отберу, – беззлобно пригрозила Снежана Игоревна, зная, что применяет нечестный, но очень действенный прием.

Женя замерла на минуту, а потом, выплюнув обгоревшую сигару в воду, стала вылезать наружу. Халат она проигнорировала, потопав босая и голиком по длинному коридору к своей комнате. Женя гордо прошествовала мимо раскрывшего рот мужчины в испачканном краской комбинезоне и мимо второй ванной, в которой немедленно раздался грохот.

– Что зенки вылупил? – галантно поинтересовалась Снежана Игоревна у рабочего и захлопнула дверь, которая, видимо, стукнула его по носу – так он взвизгнул.

– Оденься поприличнее, – стукнула она в дверь дочери.

– И через полчаса я тебя жду в гостиной, поняла? И никаких таблеток!

* * *

На Старом Арбате, как всегда, собралась тусовка из самых шизанутых людей города и области. Впрочем, возможность походить с ума у всех на глазах привлекала людей со всей страны – от этого репертуар местных безумств был всегда свеж до чрезвычайности. Кто-то сострил, что во всех приличных городах один городской сумасшедший, а в Москве их – на выбор. Впрочем, на душу населения, вероятно, выходило приблизительно пропорционально.

Валик не уставал удивляться, как это людям в голову приходит так себя вести вне дома. Он бы, наверное, постеснялся. Он любил поглазеть на все эти безобразия, но сегодня ему было не до того. Валик шел, зорко поглядывая по сторонам, надеясь увидеть что-нибудь – он пока и сам не знал как это должно было выглядеть – что поможет ему справиться с проблемой. Вдруг он замер, как вкопанный – под афишей «Экстази» стоял какой-то дяденька и держал перед собой плакатик с кластерами, полными марок.

– Это – знак, – прошептал Валик и, как завороченный, подошел к мужчине.

– Почему? – несмело проговорил Валентин, тыкая пальцем в марки с бабочками и космонавтами.

– Тебе коллекциями или по одной? – заботливо поинтересовался мужчина.

– Мне – альбомом, если можно, – пролепетал Валик, переминаясь с ноги на ногу.

– А, – с уважением проговорил мужчина, подслеповато щурясь. – Филателист?

– Филате... кто? – захлопал глазами Валентин.

– Не важно, – махнул рукой мужчина и стал сворачивать торговлю. – Пойдем.

Валик, опасливо озираясь, потопал за мужиком, размышляя по дороге, не может ли тот оказаться маньяком и придушить его где-нибудь в темном уголке. Но темного уголка им по дороге так и не встретилось: они очень быстро оказались в маленьком магазинчике, где, наряду со всякими запыленными вещами, продавались так же и картины, марки, монетки и прочие, совершенно непонятные Валику вещи.

– Вы – хламщик? – вежливо поинтересовался он у мужчины.

– Кто? – удивился тот.

– Ну... старьевщик? – вспомнил, наконец, слово Валик.

– Сам ты... – вскипел было продавец, но потом сник.

Видимо, клиентами он был не богат и потому распугивать их было ему совершенно невыгодно. Посему мужчина зажмурился, пошевелил губами, а потом открыл глаза и заулыбался самым американским образом:

– Так что вы хотели, молодой человек?

Валик не ответил: он замер, как электрошоком пораженный. На полке стоял такой же точно альбом, что был у него, и он был битком набит разными марками.

– Это! – показал он всей пятерней в направлении удивительной находки. Продавец радостно закивал.

– Двести долларов, пожалуйста, – нагло заявил он.

Валик выгреб из карманов последнюю мелочь и радостно поскакал прочь, спрятав альбом за пазухой.

Так как близко уже было время заседания клуба по интересам, Валик поспешил в библиотеку. Там он застал «братьев» в полном составе. Они сидели за столом и читали Хаксли с самым благочестивым видом.

– Что, брат Валентин, – подняв голову приветствовал пришедшего один из апологетов, самый зеленый. – Желаешь нам что-то предложить.

Он столь выразительно уставился на альбомчик, что стало ясно: о Валином бизнесе стало известно всем.

– Да, вот, – он выложил альбом перед братьями. – Кое-что для вас интересного.

Все внимательно склонились над альбомом, пока главный с трепетом перелистывал страницы. Вдруг один из химиков кашлянул и возмущенно проговорил:

– Они же гашеные.

– Сам ты гашеный! – зло сказал Валик.

– Тише вы! – скомандовал самый зеленый. – Сколько ты хочешь?

Валик скромно потупился и склонился к уху зеленого. Глаза у того стали большими и круглыми, насколько это было возможно с такими мешками под ними.

– Нормальный у тебя аппетит. Да ладно – была бы кислота хорошая, а там поглядим. Бакс! – позвал он.

Подошел парень, зеленей зеленого, и вопросительно воззрился куда-то в пространство.

– Бакс, посмотри, тут кекс марок притащил – поюзай, гуд?

Бакс на ощупь нашел альбом, сгреб одну марку, разжевал, сплюнул и признался:

– Ни хрена я не понял. Кажись, клей это, а не кислота.

Зеленый посмотрел на Валика с укоризной:

– Ты что, чудак с буквы «м», хотел туфту впарить? Ты что, америкосских фильмов пересмотрел? Извини, брат, мы их тоже смотрим, – и он снова погрузился в чтение предтечи, дав перед этим Валику смачного пинка.

Валик брел из библиотеки, потирая след от «Greenders» ов на задку и причитал:

– Ну, Лелик, ну, гад...

* * *

Вован Натанович приехал в офис мрачный, как налоговый полицейский. Он шлепнул по заднице секретаршу без всякого воодушевления и заперся в своем кабинете. Спустя полчаса он потребовал к себе Саныча и сообщил ему:

– К этому попу поедem с тобой.

– Я не могу, – отозвался Саныч. – Вы же знаете, у нас на этой неделе три суда. Не могу я в такую минуту покинуть свой пост – сами понимаете.

– Ладно. Сам съезжу, – недовольно промычал Вован Натанович. – С этим все ясно. Второй вопрос – фамильная печатка, я правильно понимаю?

– Совершенно справедливо, – кивнул Саныч. – И я вам в связи с этим могу порекомендовать не мудрствуя лукаво обратиться к специалистам по геральдике, а их в Москве – масса.

– Я не понял, – нахмурился Вован Натанович. – У нас кто начальник – ты или я? Кто кому должен рассказывать, что делать? Может, ты сам обратишься?

– Хорошо, – не стал перечить Саныч.

Он откланялся и Вовану Натановичу осталось только заниматься обыденными делами и ждать.

* * *

Снежана Игоревна не относилась к дамам слишком щепетильным, но этого видеть она уже не могла. Новоявленная гувернантка то краснела, то бледнела, но старалась сделать вид, что ничего не происходит. Веселее всех в этой ситуации было Евгении, которая находила комическим даже то, отчего у других бы случился нервный срыв. Дело было в том, что на Женечку по требованию гувернантки надели юбку, и Женечка с этим просто не справлялась: она поминутно путалась в ней и падала, всякий раз ругаясь, как сапожник. Снежана Игоревна злилась на дочь, понимая, что весь этот кордебалет она закатила для того, чтобы пресечь на корню всяческие попытки провести над ней этот бессмысленный и глупый, на Женин взгляд, эксперимент.

К счастью, гувернантку послали старого закала. Эта усатая и мощная мадам по имени Виолетта Викторовна проработала двадцать лет в школе и в основном на старших классах – она знала, как укротить самый бешеный темперамент.

– Это ничего, – прогудела она. – Привыкнете.

Она подошла к Жене, растянувшейся в очередной раз на ковре, и подняла ее, перехватив пополам, словно соломинку.

– А теперь, барышня, мы с вами займемся нашими манерами, – гувернантка к полному восторгу Снежаны Игоревны поставила Женю на ноги, придав ей какое-то очень милое положение. – Ну-ка, выплюнь жвачку.

Женя выполнила просьбу Виолетты Викторовны с таким усердием, что, кажется, выплюнула кроме жвачки еще много лишнего.

– Отлично, – проговорила гувернантка. – И зачем только ты пихаешь в рот такую гадость?

– Мама велела, – простодушно проговорила девица. – Чтобы табаком не воняло.

Виолетта Викторовна пропустила это сообщение мимо ушей и продолжала муштровать Женечку.

– Барышня должна держать спину прямо, а подбородок чуть-чуть приподнятым, – Виолетта Викторовна выпрямила Женю и подняла ей подбородок с таким усердием, что у той что-то хрустнуло в шее.

– Женечка, как ты себя чувствуешь? – с тревогой спросила дочь Снежана Игоревна, заметив, что так как-то странно притихла.

– Все нормально, ма, – заявила Женя сдавленным голосом – Только, кажется у меня ревматизм.

И, схватившись за спину, Женя со стоном грохнулась на пол и затихла.

Женщины переглянулись.

– Она всегда у вас такая нежная? – спросила чуть смущенная Виолетта Викторовна.

– Какая? – удивилась Снежана Игоревна. – Она у нас больше несносная.

Мама подошла к дочери и заглянула ей в лицо.

– Ну, вот, опять фиглярничает. Эй, подруга! По MTV хит-парад показывают, – прокричала дочери в ухо Снежана Игоревна.

– Это ничего, – пробормотала Виолетта Викторовна, поднимая Женю одной рукой. – Для барышни светской падать в обморок тоже очень важно.

Она пошла по коридору, позабыв спросить нужное направление. Поплутав по коридорам минут пятнадцать, она вывернула снова к гостиной. На пороге стояла Снежана Игоревна и, прислонившись к косяку, пилила ногти с ужасным скрежетом.

– Ее комната на первом этаже, – сказала она. – Только не ударьте ее головой – за поворотом комод, – прокричала она вслед удалившейся гувернантке.

Услышав глухой стук, Снежана Игоревна поняла, что предупреждение поступило несколько поздно.

– Были бы мозги – было бы сотрясение, – пробормотала она, направляясь к лестнице.
– Отнесете ее в комнату, приходите в столовую. Выпьем что-нибудь, поболтаем, – прокричала она вниз.

* * *

Валик брел домой, раздумывая, где бы взять денег – момент расплаты наступал с неотвратимой быстротой. По дороге он выкинул альбом с марками в мусорку и пнул проходящего мимо кота. На входе в метро натолкнулся на своего одноклассника Юрика, который наблюдал за движением эскалатора.

– Че киснешь? – сквозь шум радостно крикнул он Валику.
– На бабки влетел, – пожаловался Валик.
– И много бабок?
– Чемодан, – немного преувеличивая ответил Валентин, пристраиваясь рядом на бордюр.
– Что делать собираешься?
– Не знаю. Че посоветуешь?
– Займи.
– Не у кого.
– Папа?
– Не-а.
– Мама?
– У нее нету.
– Женька?
– Дурак, что ли?
– Подруга-то у тебя есть?
– Кто?
– Ну, герла какая-нибудь?
– Ну, я с Висловой как-то... А что?
– Ну, ты че, кино не смотришь? Она девка состоятельная?
– Ну?
– Ну и звони ей, че грузишься? Скажи, что убьют тебя вот-вот, что деньги у мафии занял – ну и т. д. Она сбегает быстренько и достанет, сколько надо. Ну, бывай!

И Юрик скрылся в толпе, как его и не было. Валик, окрыленный новой идеей, достал свой модный мобильник и, сняв с него варезку, позвонил Леле Висловой.

– Лель?
– Ая?
– Слышь, у меня трабл.
– Да ну?
– Я тут на деньги попал. С мафией связался. Да. И если я бабули не отдам, то все...
– А я причем? – отозвалась девушка.
– Ну, может, можешь? Меня ведь убить могут, да...
– Иди ты знаешь куда?... – риторически спросила трубка и зло запикала.
– Сама лохушка, – крикнул Валик и понял, что последняя надежда испарилась.

Потом он подумал о том, что можно же просто все объяснить и воодушевленно зашагал к Бумбастику.

ГЛАВА 4. РЕКОРДНАЯ ПО КОЛИЧЕСТВУ ТРУПОВ НА КВАДРАТНЫЙ САНТИМЕТР СТРАНИЦЫ

– Все. Узнал, – запыханный Саныч вывалил на стол груды фотографий.

– Ты че, меня с семейным альбомом решил познакомить? – недоуменно спросил Вован Натанович, глядя исподлюбья на юриста.

Тот терпеливо раскладывал фотографии перед боссом:

– Смотрите сами. Вот вам образцы имеющихся в наличии фамильных гербов и печатей. Это – подлинники, причем сделанные заведомо не для владельца. Мне объяснили, что их изготавливали на заказ в нескольких вариантах, как бы на выбор. А потом что-то выбирали, а от чего-то отказывались. И вот эти пробники остались целы и теперь, как культурная ценность, хранятся в краеведческом музее. Вот, можете выбрать.

Вован Натанович разложил перед собой веером фотографии переливающихся всеми драгоценными цветами радуги предметов и задумался.

– Вот этот, – указал он пальцем на печать, которая изображала клевер, торчащий изо рта кабана. – Вот с этим цветочком у Жанки колечко есть – прокатит за семейную реликвию.

– Отлично. Теперь дело за малым – взять это в музей.

– Далеко?

– Минут пятнадцать на машине.

– Едем.

Подъехав к музею, они едва нашли, куда поставить длиннющий лимузин, на котором Вован Натанович любил отдавать официальные визиты. Потом они прошли сперва по залам, убедившись собственными глазами, что интересующие предметы наличествуют, а после прошагали в кабинет директора.

Возле кабинета их встретила престарелая секретарша и строго сказала:

– А Висаулия Викторовича нет. Он в командировке и вернется нескоро.

– А с кем мы можем поговорить по поводу приобретения некоторых культурных ценностей, содержащихся в вашем музее? – галантно изогнувшись спросил Саныч.

– Ни с кем, – столь же ледяным дружелюбным тоном ответила секретарша. – Все экспонаты принадлежат государству и в частные коллекции не продаются.

Саныч откланялся и вытолкал упершегося было Вована на улицу.

– Она что, такая умная, что ли? – пытел Вован Натанович, вращая глазами и кулаками.

– Я вам сейчас горячку пороть не советую. Связываться с государственным учреждением – себе дороже. Вы столько не зарабатываете.

– И что я теперь – обламываться должен?

– Ну, есть же другие методы. Мне ли вас учить? Если не действуют уговоры и деньги, нужно брать самим.

– Понял, – кивнул лобастой головой Вован и залез в лимузин.

* * *

Приоткрыв один глаз, Жени убедилась, что она осталась одна и прытко вскочила на ноги. Потом, матерясь, стащила с себя юбку и закинула ее подальше в угол. После этого строптивая дочь заперла дверь на кодовый замок и погрозила ей кулаком.

Заметив, что на ней нет ровным счетом ничего из одежды, Женя полезла в шкаф, чтобы подобрать себе костюмчик, приличествующий молодой леди ее эпохи. Открыв створки, она едва сдержалась, чтобы не заорать: на нее вывалилось безжизненное длинноногое тело.

Когда первый испуг прошел, Женя увидела, что у ее голых ног валяется Лелик – дебильный друг ее брата.

– Опа, а как это он? – пробормотала себе под нос девушка, осторожно подходя поближе.

К ее разочарованию, Женя не увидела ни зияющих огнестрельных ран, ни вываливающихся внутренностей, ни раскроенного черепа.

– Ты просто очурился, что ли? – спросила она у тела. – Эй! Але!

Женя тронула Лелика пальцем за плечо и немедленно его отдернула. Плечо оказалось теплым.

– Не остыл еще, – констатировала она. – Ну, ты тогда лежи где лежишь. А я пока сбегаю кого-нибудь позову.

Женя запихала тело обратно в шкаф, предварительно вытащив из-под него свои штаны из кожи нерожденных пони (гринпис отдыхает!). Экипировавшись должным образом, Женя прокралась из квартиры своим собственным никому не известным способом – через мусоропровод, предварительно надев на себя большущий чистый пакет для мусора. Выбравшись из мусоропровода, Женя потопала пешком, за неимением ключей от гаража, к своей верной подруге.

Марина по случаю выходного дня, была поглощена собой: она молотила ногами по груше с дикими воплями.

– Привет, Марин, – прокричала подруге Женя, уворачиваясь от свистящих в воздухе кулаков. – Уделишь мне пару минут?

Марина, как всегда, поняла подругу по своему и начала с ней спаринговаться, и пока Женя не положила подругу на лопатки, разговаривать с ней было совершенно невозможно.

– Марин, у тебя черепа где?

– На байдарках уплыли, а что?

– Я потусуюсь у тебя с месячишко? В долгу не останусь – с меня ежедневный спаринг и массаж по вечерам, ОК?

– Ладно, – охотно согласилась Марина, обрадованная предоставляющейся возможностью иметь живую модель для отработки ударов.

– Только знаешь – у меня проблемка небольшая. У меня в комнате – труп в шкафу, – сокрушенно произнесла Женя, повисая вверх ногами на турнике, так что ее короткие волосы стали дыбом.

– Кто? Труп? В шкафу? – с совершенным восторгом сказала Марина. – Это ж классно! Пойдем за ним скорее! Никогда жмуриков не видела.

Она подскочила на ноги и забегала по комнате, меняя кимоно на что-то более цивильное.

– Стоп, – ссыпалась на пол Женя. – Я иду одна. Скажи только, у тебя машина на ходу?

– А зачем? – замерла Марина с одной ногой, просунутой в штанину.

– Ну, как зачем, – спокойно сказала Женя, беря в руку гантель и ласково глядя на нее своими голубыми глазами. – Отвезем его куда-нибудь в лесок и прикопаем.

* * *

– Эй-эй, куда! Это была моя пицца!

– Отстань. Съешь гамбургер.

– Но я не люблю гамбургеров! К тому же этот с селедкой, а у меня изжога.

– Ну, не нуди. Хочешь, я дам тебе свою колу?

– Засунь ее себе в задницу!

– Ну, как хочешь. Тогда не против – я выпью твою?

– Ты!!!

– А у тебя пейджер пищит.

– Какой пейджер – у меня нет пейджера.

- А! Это мой... Ну, ты поел, я надеюсь? Нас с тобой вызывают.
- Куда?
- Работать, работать!

По окончании диалога двое подозрительных на вид мужчин поднялись из-за стола, заваленного объедками и бумажками, и пошли к выходу из кафе. Официантка догнала их на бегу и чуть ли не силой отобрала чаевые.

* * *

Пока они гордо вышагивали по проходу между столами, можно их было, наконец, рассмотреть как следует. На первый взгляд, можно было подумать, что эти двое принадлежат к классу так называемых рядовых обывателей: одеты они были отнюдь не так, как это делают люди, считающие себя состоятельными или оригинальными. Однако, что-то в их поведении и облике подсказывало, что это не простые работники сферы обслуживания или неквалифицированные труженики. Что это была за непонятная деталь, так сразу и не скажешь.

Один из них был высок и могуч и, если бы не одутловатое лицо с совершенно заплывшими глазками, смахивал бы на героя русских сказок в совершенно неприглядном обличье. Он был одет в кожаную куртку, которая навевала воспоминания о боевиках поры рассвета видеозалов, и, кроме того, в неопознанного производства и оттенка растянутые на коленках джинсы. К функциональности его круглой головы можно было применить старое определение, сказав, что кроме всего прочего он еще в нее и ест.

Его спутник был меньше ростом раза в полтора и напоминал внешностью типичного сантехника-профессионала, принарядившегося в выходной день, чтобы прогуляться до пивной. Какой-нибудь из новомодных щеголей от «диско» с ума сошел бы от зависти, увидев его костюм, потому как он был родом из тех самых восьмидесят-волосатых годов. Впрочем, для того, чтобы этот костюм привлек внимание модника, нужно было его отдать в химчистку и поддержать там недели две. Щуплость и какая-то помятость являлись наиболее характерными чертами этого индивидуума и дополнялись близорукостью, которая была тем более мучительна, что род его деятельности не позволял ему пользоваться очками. Если могучая конституция товарища как-то компенсировала его неблестящий интеллект, то в данном случае было видно, что природа отдыхает «в полный рост», и чем могло выгодно выделяться подобное существо, ясно не было. Видимо, этот человек входил в число тех семерых, которые были обделены в пользу того самого счастливчика, кому все досталось. Причем, число семерок, в которые входил данный гражданин, судя по всему, было достаточно большим.

Как бы там ни было, во всех движениях этих двух чувствовалось гипертрофированное чувство собственного достоинства, которое не оправдывалось никакими внешними причинами, и это наводило на подозрения, что эти причины столь же вески, сколь невидимы невооруженному глазу. Если обычный смертный шагал по земле тревожно озираясь, будучи всегда готовым испытать на себе произвол человека власти праве, а потому напоминал забитого пса или старого зайца, то эти двое были совершенно не такими. Они шагали широко и размеренно, всякий раз ставя ногу чуть в сторону, тем самым демонстрируя, что они могут себе позволить лишние сантиметры земли. При этом их подбородки были подняты так высоко, что граждане эти едва ли знали цвет своих ботинок, а брови столь сурово нахмурены, что можно было понять сразу: этих людей гнетет тяжесть ответственности за судьбы мира. В общем, эта их манера вышагивать, будто они и не люди были вовсе, а какие-то небожители, и была той странной чертой, которая не соответствовала их внешнему облику.

Чем же объяснялось подобное необъяснимое поведение, какие внутренние причины были тому виной? К таким внутренним причинам можно отнести, в первую очередь, тяжелые стальные дула, которые оттягивали кожаные кобуры, висящие на поясах обоих посетителей

кафе. Откуда там взялись эти странные предметы? Это были переодетые менты? Это были представители американской контрразведки? Или же – гангстеры инкогнито?

Последнее определение наиболее реально характеризовало положение вещей. Эти неоднозначные персонажи являлись штатными сотрудниками фирмы «В-репу-дал», то есть работали по найму на знакомого нам господина Дроздова.

Возникает в связи с этим закономерный вопрос: откуда такие обычные граждане взялись в столь уважаемой фирме и зачем они этой фирме сдались? А здесь на желаемое оказало свое пагубное воздействие действительно, причем действительно звериного оскала постсоциализма.

На заре туманной юности фирмы «В-репу-дал» господину Дроздову кроме прочего пришлось подать сведения о своей организации в одну очень настойчивую службу занятости населения. Последняя была так любезна, что немедленно на эти вакансии прислала двоих отпечатавшихся безработных, которых уже просто невозможно было сбыть с рук. И обставлено это дело было столь ловко, что отвергнуться от такого счастья не смог ни деловой Вован Натанович, ни скользкий юрист Саньч.

– Вы зачем прислали ко мне этих отморожков? – рычал в трубку Дроздов, увидев опухшие физиономии претендентов.

– Ну, вы же сами объявляли вакансии на должность сотрудника сферы обслуживания, – миролюбиво, но настойчиво лепетал в трубку женский голос. – Мы ваших претензий не принимаем: претенденты обладают всеми перечисленными требованиями: служили в армии, владеют оружием и не имеют семейных проблем. Всего доброго.

Именно такого, добровольно-принудительного происхождения были эти замечательные во всех отношениях сотрудники. Против паровоза не попрешь, и Вовану Натановичу пришлось смириться с присутствием товарищей экс-безработных среди своих боевиков. Впрочем, среди услуг, оказываемых фирмой населению, был целый ряд таких, на которые тратить всю силу мощи образцово-показательного боевого отряда было бы натуральным «перерасходом средств». Отравить соседскую собаку, изуродовать автомобиль конкурента или изрезать платье какой-нибудь неугодной красавицы на конкурсе «мисс-бюст» или «мадмуазель-шея» – со всем этим мог справиться даже школьник, а потому работы у «сладкой парочки» было хоть отбавляй.

Поэтому не было ничего удивительного, что их вызывали для дачи задания с такой срочностью – прямо из любимой пиццерии.

Попав в столь неожиданно подходящие для процветания условия, братья по несчастью моментально осознали, что в единстве их сила, и стали просто неразлучной парочкой. Хотя, если исключить их стремность, у парней не было в сущности ничего общего. Впрочем, обычно они ладили, если не считать того, что богатырский рост и недюжая сила одного были поводом для ущемления другого. Хотя, и это разногласие дальше гастрономических интересов не шло.

Кстати, одна второстепенная деталь: того, что побольше звали обычно по фамилии – Дуболомов. Маленького же – Костиком.

* * *

Впрочем, срочность была вызвана еще более, чем обычно, необъяснимые причинами: у начальства внезапно вышли кадры. Выяснив, что жизненно необходимо обзавестись семейной печатью и сделать это иначе, как элементарно сперев ее из музея, никак нельзя, Вован Натанович обратился к бригадиру своей ударной боевой единицы с заявлением:

– Дюкич, мне нужны лучшие из лучших для выполнения одного очень важного и очень личного задания.

– Нет проблем, – отозвался заматерелый киллер Дюкич.

– Только вот нету их сейчас.

– А где?

– Ну, кого куда послали. Пять человек захватывают танкер к дню рождения одного из наших восточных партнеров, двое – сторожат одного министра, остальные – по разным мокрым делам...

– И что – совсем никого?

– Совсем. Даже худших из лучших. Сезон – конец финансового года – сами понимаете, – развел руками бригадир. – А я сам в очередном отпуске. Поеду в Карелию, отдохну душой.

– И кто остался? – все более мрачней поинтересовался Вован Натанович, соображая, что пора бы расширять фирму.

– Отморозки, – со вздохом протянул бригадир.

Вован Натанович обреченно посмотрел на него и спросил:

– Все так хреново?

– Все еще хуже, – уверил его Саныч, читая сообщение со своего пейджера. – Только что я получил последние новости о нашем с вами экспонате. Нужно поторопиться: фамильная печать осталась одна-единственная. Остальные развезли по иностранным коллекциям нам их теперь не достать. Так что – чем скорее – тем вернее.

* * *

Посмотрев сто тридцать пятый мыльный пузырь своего любимого фильма, Снежана Игоревна глубоко задумалась. Что-то подсказывало ее сердцу, что она осталась в доме одна (прислуга, рабочие и гувернантка были не в счет). От этой мысли ей стало невыносимо скучно. А лучшим средством от скуки было, конечно же, любимое хобби. Любимым хобби был интерьер.

– А что там мое джакузи? – вслух подумала Снежана Игоревна, поглаживая мех домашнего халата.

Словно бы в ответ ей в южном крыле квартиры раздался страшный грохот.

– Видимо, все в порядке, – радостно произнесла Снежана Игоревна, отправившись посмотреть на чудеса сантехники, которые вытворял за ее наличные деньги сантехник-профессионал с высшим образованием – так гласила его рекомендация.

Вместо бывшей ванной комнаты, Снежана Игоревна застала занавешенные пылью руины. Поперек передней стены – вернее, проема на ее месте образовавшемся – торчало громадное сиреневое джакузи. Из-под груды кирпича выглядывала чья-то дрыгающаяся нога.

– Милейший, подергала за покрытый красной пылью каблук Снежана Игоревна. – Почему вы так пылите? Это совершенно необходимо?

«Милейший» не отзывался. Снежана Игоревна пожала плечами, достала из кармашка телефон и защелкала в трубку:

– Але? Фирма? Заберите, пожалуйста вашего профессионала. Он поломал мен ванную и сам, кажется, поломался. Что вы мне говорили? Джакузи по размеру не подходит? Сами вы, девушка, не подходите! К тому же, оно не того цвета. Хочу красное. Что? Нет, замены не надо. Я больше услугами вашей фирмы пользоваться не буду. Адью!

Снежана Игоревна осмотрела живописные руины и с минуту подумала: оставить все как есть в качестве сада из камней или же все-таки, привести все в первоначальный вид?

Ее тягостные размышления в эту минуту мучительного выбора были прерваны появлением испуганной горничной:

– Снежана Игоревна, – пропищала она. – С вами все в порядке?

Снежана Игоревна выронила телефон и подпрыгнула на месте от неожиданности: эта девушка ее все время пугала.

– Со мной-то все в порядке, – взяла себя в руки хозяйка дома – Вот ванная теперь...

Она указала малиновым ногтем на кучу кирпича.

– Ой, Снежаночка Игоревна, – затрещала горничная, машинально начиная подметать пол. – Говорила я вам – не обращайтесь вы больше в агентство. В нем же только двоечники-филологи работают. Вот я вам одного сантехника порекомендую – закачаетесь! Отличный парень и к тому же с вашей ванной он разделается в два счета.

– Говоришь, парень отличный? – задумчиво проговорила Снежана Игоревна, у которой была непреодолимая слабость к «отличным парням» из обслуживающего персонала. – Ладно. Пришли его к завтрашнему утру – я сегодня устала.

Тут в дверь позвонили и через минуту появились одетые в элегантные оранжевые комбинезоны представители фирмы.

– Вот он, – кивнула Снежана Игоревна.

Представители суетливо стали растаскивать завал.

– А за моральные ущербы вы мне вынесете кроме этого мусора еще один шкафчик – я давно хотела.

* * *

– Понимаешь, Бумбыч, – переминался с кроссовка на кроссовок Валик, делая жалкие попытки построить достойную картину случившегося с ним несчастья. – Тут всех и делов-то: пролетел у меня бизнес. Ну, марки там дерьмо или инфляция... Ну, короче, я тебе денег щас отдать не смогу. Ты мне дай еще дури, я ее в двойную цену загоню и с тобой рассчитаюсь. А?

За все время проникнутого высокой капиталистической скорбью монолога Валентина, Бумбастик не проронил ни слова. Впрочем, ни слова он не проронил с того самого момента, когда Валик застал «банкира» в его укромном логове. Бумбастик сидел в какой-то странной позе, совершенно не шевелясь и тускло блестя своими черными очками.

«Вот прет парня», – почтительно подумал Валик, подождал минут пятнадцать и, откашлявшись, снова повторил всю историю с начала до конца, сделав упор на своей лояльности к их общему бизнесу. Бумбастик молчал.

«Он потрясен», – польстил себе Валик и замер в ожидании. Постояв еще немного, Валентин от нечего делать стал оглядываться по сторонам. По сторонам ничего нового и интересного не было, поэтому он снова уставился на Бумбастика. Вдруг Валентин поймал себя на ощущении, что что-то его в давно знакомом облике дилера смущает и настораживает. Валик стал анализировать произошедшие за это время с его товарищем по бизнесу изменения, перебирая в уме возможные варианты:

«Постригся? Да нет вроде. Язык проколол? Да уже давно. Джемпер постирал? Не похоже».

В конце концов, Валик опустил глаза в пол, дойдя в своем разглядывании до самых подошв и не поверил своим глазам: вместо гордо торчащих в разные стороны шнурков он увидел роскошные задники кроссовок с неоновым наименованием фирмы-изготовителя и изумился:

– Ничего себе! Он кроссы задом наперед одел! Вот это модная фикса!

Валик осмотрел свои ботинки, соображая, как бы изловчиться и по-быстрому перенять это новшество, пока все чмыри не стали ходить так же. Потом он снова глянул на Бумбастика, по-прежнему безответного и понял, что задом наперед у него одеты не только кроссовки, но и свитер, и мешковатые джинсы, не успев удивиться этому перебору в области молодежной моды, Валик заметил, что и локти товарища смотрят в другую сторону. Так же, как и его колени. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что задом наперед одета одна лишь голова, которая вопреки логике смотрела назад.

– Бум, – осторожно приблизился к дилеру Валик. – Бумбастик, ответь...

Страшная догадка осенила Валентина, подтвердившись тем фактом, что у Бумбастика вместо шеи оказался какой-то синий жгут. Храбрости Валика хватило еще на то, чтобы снять черные очки и убедиться, что глаза дилера стеклянные, но не как обычно, а **СОВСЕМ** стеклянные.

В общем, Бумбастик был мертв, как только может быть мертв молодой подающий надежды наркоман. И к тому же умер он неестественной смертью, то есть, никоим образом не от передоза.

ГЛАВА 5. Я ЛЮБЛЮ НЕПРИЯТНОСТИ

– Как это – прикопаем? – не поняла Марина, отжимаясь на одной руке.

– Очень просто, – отозвалась Евгения. – Ты что, ни разу фильмов не смотрела? Если у вас завелся лишний труп, то его нужно куда-то девать. Для этого существуют два способа: положить его в пакет и выбросить на свалку или же погрузить его в багажник, отвести в ближайшие лесопосадки и закопать там. Первый способ отпадает: слишком все просто. Заморачиваться нужно только с пакетом, а все остальные приключения достанутся на долю какого-нибудь лохамусорщика. Мы с тобой в этом участия принимать не будем. Во втором варианте нам с тобой придется играть ключевую роль, а что нам с тобой, Марина, дороже главных ролей?

– Бутсы «Reebok» со встроенной вентиляционной системой, – мечтательно отозвалась подруга.

– Неправильно. Тебе штрафное очко и обязательства достать лопату, – Женя швырнула Марине гриф от штанги. Та увернулась.

– Нет, мать, – продолжала Женя, лениво закуривая. – Дороже главных ролей нам с тобой, красавица, натуральный природный адреналин.

– От фирмы «Смитс и Симс»? – проявился сообразительность Марина.

– Нет уж, – печально ответила Жени, разглядывая в окно вид на дымящиеся трубы. – Собственного производства. Чистейший гормон и чистейший пот без всяких модных заморочек.

– А потом что?

– Как что? Потом труп находит какая-нибудь дауновская собака и приносит хозяину вместо тапочек синюю и вонючую руку. Потом – менты-тачки-гоночки и мы – на страницах прессы. Посудимся немного, а потом папин адвокат нас вытащит. Но – в последний момент для пущего интереса. Как тебе?

– Н-ничего, – как-то не очень уверенно пробормотала Марина, вспоминая, что у ее папы нету адвоката. – Только...

– И никаких «только», – безапелляционно оборвала Жени, выкидывая бычок в форточку. – Я сейчас еду, а ты – лопату добываешь.

– И где я тебе ее в центре Москвы добуду?

– Да хоть в антикварном магазине! – напоследок схохмила Жени и выпулилась из квартиры Марины, покручивая на пальце ключ от ее «Тойоты».

* * *

По дороге в офис, где их поджидал умиравший от нетерпения босс, супер-наемники поспорили.

– Нет, ты спросишь про зарплату!

– С какого это перепугу? Сам и спроси. Я еще прошлую не проел.

– Ну и что? Тут дело в принципе. И тот сильнее, у кого он принципиальнее. Вот смотри. Если босс нам не дает денег, значит, он нас считает за лохов.

– Ну?

– Но мы-то сами себя за лохов не считаем.

– Не считаем.

– Значит, мы должны брать деньги сами.

– И где же ты их возьмешь?

– Где-где? У босса, разумеется.

– Так он не дает.

– Потому не дает, что за лохов считает – как ты не понимаешь? А если мы придем и спросим про зарплату, это будет равнозначно тому, что мы сами ее возьмем. Ту просто правила субординации: нельзя через голову босса прыгать.

– В смысле?

– Ну, в смысле, прежде, чем взять деньги, мы должны попросить у него разрешения, чтобы показать, что мы его уважаем. Понял?

– Понял. Так кто про деньги спросит?

– Ты. Ведь ты настоящий мужчина – не так ли?

– Нет ты. Если я настоящий мужчина, я не могу кланяться своей собственной зарплате у босса.

– Ладно. Спросим хором. Давай порепетируем...

«Спевка» или лучше – «с-орание» происходила всю дорогу до офиса и так положительно повлияло на взаимопонимание партнеров, что, когда войдя в кабинет начальника они хором проорали речевку, краткое содержание которой заключалось в двух словах «дай денег», и услышали в ответ «Денег нет», они хором же ответили на это:

– Нет проблем!

Вован Натанович, при виде этой безумной парочки скривился так, что стало видно мышцы на его голове. Присутствовавший здесь же Саныч, нисколько не смущенный бессмысленными взглядами пришедших, поприветствовал их и попросил садиться.

– Ну что ж, – начал он. – Ребята вы неплохие и поэтому не мне вам говорить: только от вас зависит процветание нашей фирмы вообще и вас – в частности. Короче, я вам даю очень несложное задание: вам необходимо проникнуть в краеведческий музей и выкрасть там экспонат. Вот его фотография.

Напарники осторожно подошли к столу и внимательно рассмотрели предложенный фотоснимок.

– Вот вам схема маршрута, специально разработанная для такого случая. В двух экземплярах. Вот подробное описание того, что вам нужно делать. Никакой инициативы, вам ясно?

– Ага.

– Операция продумана нашим головным отделом, и ваша задача – прийти и взять. Строго следовать инструкции. При любых заминках отзваниваться в офис. Все ясно? Я верно излагаю, Вован Натанович?

– Да-да, продолжайте, продолжайте, – закивал задремавший было босс.

– Теперь отправляйтесь готовиться, отстреливать оружие и запасаться боекомплектами. Начало операции – через пятнадцать часов. Выполняйте.

Подобострастно вытаращив глаза и втянув отвисшие животы, наемники протопали к выходу, громыхая грязными ботинками по паркету.

– Ты как думаешь – прокатит? – без всякой надежды на положительный ответ спросил Вован Натанович своего подчиненного.

– Без базару, – отрезал тот. – Главное, чтобы они задумываться не начали. За остальное и не парьтесь.

* * *

– Он мертв, – медленно повторил про вслух Валик, осторожно дергая дилера за рукав.

Тот, будто только того и ждал, повалился с грохотом на пол, увлекая вместе с собой колченогое кресло, на котором до того располагался. Валик с визгом ринулся прочь, но потом услышал за собой какой-то металлический звук и любопытство пересилило страх – он обернулся. Его взгляду предстало любопытное зрелище порванного днища кресла, в одной из дыр которого что-то поблескивало. Валик приблизился и обнаружил в прорехе связку из двух клю-

чей. Один из них был крошечный, по типу тех, которыми в старые добрые времена закрывали чемоданы. Второй был побольше и напрашивался на скважину замка посерьезнее.

Валик, естественно, понятия не имел, отчего эти ключики и зачем они здесь спрятаны, но все же припрятал их в кармашек – на всякий случай.

Покойного он решил оставить в том же виде, что и нашел, то есть – без признаков жизни. Как только Валик собрался отправиться куда-нибудь подальше от этого неприятного места, справедливо полагая, что дольше здесь находиться небезопасно для его психики, на лестнице раздались шаги. Бежать было по большому счету некуда, если не считать окна, которое выходило на школьный двор и находилось от земли не менее, чем в десяти метрах. Немного переоценив свои силы, Валентин резво перекинул свое тело через подоконник и повис на карнизе, держась за него руками.

В эту же минуту в комнату ввалилось, судя по голосам, двое человек, который оживленно болтали о чем-то своем. Завидев труп, один сказал другому:

- Так. Я обыскиваю этого отморозка, а ты – мебель.
- Но тут нет мебели, только кресло, – отозвался второй.
- Вот кресло и осматривай, умник.

Послышалось пыхтение, которое порядком помогло Валентину, который от непривычной боли в запястьях стал негромко поскуливать. На грани своего терпения, Валентин услышал:

- Ну что?
- Ничего.
- И у меня – пусто. Босс сказал, что Бумб всегда держал ключи при себе.
- Значит, одно из двух: или босс ошибся, или у Бумбастика сменились привычки.

В этот самый момент пальцы Валентина разжались и он с воплем полетел вниз. Один из посетителей покойного высунулся на шум в окно, проследил полет Валентина и произнес:

- Или же кто-то у него до нас побывал.

* * *

Забравшись по трубе на свой этаж, Женя незамеченной проскользнула в окно собственной квартиры и стала красться по коридору, избегая попадаться на глаза даже чернорабочим. К ее радости, если кто из родственников дома и был, они очень тщательно скрывали свое присутствие: Женя никого не встретила. Вне себя от радости, шелестя непрозрачным мусорным мешком и уже начиная ощущать выделение в кровь дефицитного адреналина, Евгения проникла в свою комнату и замерла от неожиданности. На месте ее старого шкафчика из цельного дуба стояла пластиковая горка с нагроможденными на нее кусками разноцветных камней.

– Мама! – зверем взревела Женя, уже совершенно не боясь обнаружить свое присутствие в доме. – Мама-а-а! – надсаживалась она, презируя наличие в своей комнате телефона.

– Ты чего орешь? – строго спросила мама, которая в маске из красной глины напоминала пигмея на тропе войны. – Сколько раз говорить – хочешь есть, сходи на кухню. Я тебе что, прислуга?

Снежана Игоревна швырнула на стол бутерброд с синтетической икрой и повернулась, чтобы уйти.

- Мама! – взвизгнула Женя. – Куда ты дела мой комод?!
- Кого?

– Ну, шкаф, шифоньер, буфет, стенку – какая разница?
Вот тут, на месте этого геологического дерьма был. Где?!

– Во-первых, я хочу вам напомнить, леди, – строго начала Снежана Игоревна, вспоминая все наставления Тверской.

– Я хочу напомнить вам о ваших манерах: так разговаривать не достойно порядочной девушки. Во-вторых, это – не геологическое дерьмо, как вы изволили выразиться. Это – модный натуро-модерновый интерьер – заказала по каталогу. Камни, между прочим, натуральные...

– А в-третьих, мама, ты образцовая дура!!! – безапелляционно заявила Женя, побагровев от бессильной ярости. –

Где шкаф, я в последний раз по хорошему спрашиваю?

– Нет больше твоего шкафа, – леденея на глазах сказала Снежана Игоревна. – Я его выкинула, это старье. В нем жила моль. И к тому же, в нем хранила свои тряпки еще твоя прапрабабка. Этаким анахронизм.

Последнее слово было весьма к месту вставлено, что заставило загордиться Снежану Игоревну, которая не могла успокоиться, не вставив какое-нибудь умное слово в разговор. До того момента она просто не могла выучить что-то другое.

– Какая моль? – спросила перепуганная Женя.

– Белая, – еще более холодно ответила Снежана Игоревна, поворачиваясь к дочери спиной.

– Мама! Ты хоть вещи мои оттуда вытащила? – упавшим голосом со слабой надеждой спросила Евгения, чувствуя острое желание дать маме по ее фарфоровой голове.

– Нет, – невозмутимая и гордая Снежана Игоревна проплыла по коридору прочь, выразив своим затылком глубокое презрения к дочери, которая явно пошла в отца-плебея.

– Лохушка, – прошипела дочь и поторопилась к выходу из квартиры.

Сбежав пешком вниз, Женя поинтересовалась у дородного ОМОНОВца, сторожившего вход:

– Скажи-ка, дядя, ты сегодня весь день тут?

– Ну, – пробасил дядя, старательно разглядывая долговязую Женину фигуру в тщетном усилии распознать ее половую принадлежность. – Тут из триста двадцатой квартиры сегодня шкаф выносили, – продолжала Евгения, жадно глядя на тугую кобуру охранника.

– Ну, – глубокомысленно подтвердил тот.

– Кто нес и куда?

– А тебе зачем? – порадовал ОМОНОВец своим разнообразием лексического запаса.

– Понимаешь, мама в шкафу деньги прятала от папы. Ну, и достать забыла... Так куда повезли?

Проникнувшись чувством глубокого уважения к чужой частной собственности, служивый глянул одним глазом в компьютер и ответил:

– Фирма «Ситал». Горького тридцать, вход через арку.

Женя, и не подумав благодарить услужливого истукана, пробежала во двор, вскочила в Маринину машину и понеслась по указанному адресу, сворачивая в неустановленных местах и зажмуривая глаза при проезде на красный свет.

* * *

Пока те двое, которых очень интересовали ключи известного им одним назначения, выбежали на улицу, чтобы пообщаться с новоявленным «жмуриком», произошло одно очень важное событие, которое несколько повлияло на судьбу этого предприятия: машина со строительным мусором вырулила на автостраду и потерялась в потоке автомобилей. К сожалению, рычанию двигателя за поворотом никто в тот момент не придавал значения, а потому представшая инициативным товарищам картина сперва не очень уложилась у них в голове.

– Это точно то самое место? – спросил один.

Второй вместо ответа отошел от стены здания и посмотрел наверх.

– Точно, – ответил он после этого. – Вон там окно. Оно открыто. За этим окном – комната Бумбастика.

Первый, не доверяя полученной информации, посмотрел наверх, потом – снова на асфальт, которым была покрыта площадка и спросил удивленно:

– А где тогда тот паренек? Улетел, что ли?

Действительно, предположить, что выпавший с порядочной высоты человек не оставило никаких следов своего пребывания на земле – даже мокрого пятна, было невозможно.

– Может, он каскадер? – задрав голову спросил второй.

– Встал, отряхнулся, пошел...

– Ну да! Джеки Чана нашел, – отверг начисто эту безумную версию первый. – Однако, куда ж он оделся? Не улетел же он?

Покрутившись немного еще на одном месте, двое свернули за угол, где их поджидал спортивный автомобиль и отправились в сторону, противоположную то, в которую только что уехал грузовик.

Грузовик между тем достиг предела санитарной зоны города Москвы, где под первым же кустом поднял кузов, вывалил кирпичи вперемешку с фрагментами какой-то салатной сан-техники и уехал.

Почувствовав, как ему на голову сыплется что-то сухое и неприятное, Валик очнулся и обнаружил себя лежащим в куче кирпичей и побелки. В голове гудело, во рту было солоно и создавалось ощущение, что не очень давно он совершил небольшой полет, закончившийся столкновением с чем-то железным. Впрочем, это было единственное воспоминание, которое осталось после всего пережитого. Ни того, откуда он, ни того, как его зовут, зачем он падал и каким образом здесь очутился, парень не помнил абсолютно. Он лежал, ощущая позвоночником зазубренный край чего-то холодного, глядя в пустое небо, и думал:

«Вот уж попал...»

* * *

Спустившись до ближайшего антикварного магазина по настоятельной рекомендации подруги, Марина с трудом протиснулась мимо людей в комбинезонах в попытках определить, кто здесь продавец, и наткнулась на нервного мужчину в бороде и очках, который проорал ей в самое ухо:

– Девушка, у нас закрыто!

– А у вас есть в продаже лопаты? – невозмутимо спросила Марина, шебурша купюрами и понимая, что покупателя в любом случае должны обслужить.

– Это антикварный магазин!!! – снова заорал мужчина и попытался бесцеремонно вытолкать Марину из помещения, однако не на ту напал.

Девушка провела с ним пару показательных и очень болезненных приемов из арсенала русской борьбы и, отряхнув пылинку с пальто, прошагала к выходу, бормоча:

– Пусть она сама со своими инструментами заморачивается – тут все какие-то нервные...

Не успела Марина покинуть пределы пешеходной зоны, как услышала до боли знакомый визг тормозов.

– Дура! – закричала она Жене, высунувшейся чуть не по пояс из окна машины. – У меня резина не казенная!

– Садись быстрее!!! – закричала ей Женя. – Я тебе другую подарю. Потом.

Марина не успела плюхнуться на сидение, как машина с еще более пронзительным визгом тронулась с места.

– Значит так, – проговорила взбудораженная Женья, пропуская мимо ушей новый взрыв возмущения подружки. – Мамаша моя, дурында, сплавила любимый бабушкин шкафчик куда-то. У меня есть адрес этой фирмы – надо рвать быстрее, пока они наш труп не обнаружили.

– А что теперь будет? – в ужасе поинтересовалась Марина, с любопытством наблюдая разлетающиеся от их немыслимого галопа автомобиля и вскрикивая «вау!» при каждой мало-мальски забавной аварии.

– Что-что, – проворчала Женья, подрезая иномарку. – Сдадут его с потрохами ментам, а те – маму к ногтю. А она, бедняга, ничего не знает. А они ее – в тюрьму...

– ... и папин адвокат ее отмажет, – зевая, закончила мысль подружки Марина.

– А вот и нет, – зло заулыбалась Женья, понимая в характере папы несколько больше. – Не станет. Думаешь, папаня у меня – промах? Он ее там с год хотя бы промаринует – надо ж и ему отдохнуть?

Марина, потрясенная новыми подтверждением мужского коварства, в который раз дала себе зарок не иметь с этими козлами никакого дела и родить от замороженной спермы. Женья между тем продолжала:

– Сейчас подъедем к фирме. Я сижу за рулем, ты идешь узнавать про шкаф...

– Это почему это? Твой шкаф – ты и узнавай, – капризно объявила Марина, ощущая приступ гиподинамии. – А я – за рулем...

– А потому, дура ты набитая, – разозлилась Женья. – Что меня они могут запомнить и если что – вместе с мамой засадить. А ты спроси так ненавязчиво...

Женья посмотрела на Марину как можно более наивным взглядом, стараясь не рассмеяться от своей ловкой выдумки. Расчет был прост: если труп не обнаружили, то Марина все, что надо разведает – есть у нее на это нужные способности. Если же труп уже обнаружен, ее просто схватят и у Жени будет время смотаться.

«Подставишь ближнего – выручишь себя», – процитировала Женья шепотом, глядя вслед своей беззаботной подружке, которая уже мелькнула за стеклянной дверью холла.

* * *

– Сюда-сюда! – суетился весь взмокший от волнения и возмущения Давыдович, управляя несообразительными грузчиками, которые вели себя гораздо хуже, чем слоны в посуднолавке, роняя все, что только не было прикручено к полу.

Когда шкаф был водружен на место, хозяин магазина потер многочисленные ушибленные места и еще раз мысленно выругался в адрес непочтительной девицы.

– Спасибо, спасибо, – легко подталкивая проводил он до двери грузчиков и рассовал им в руки купюры того достоинства, которое не обидит ни одного неквалифицированного труженика. – Я по продаже избавлюсь от накладных, так что проблем с налоговой у вас не будет.

Он торопился остаться один. К счастью, гостям это было только на руку: выходя из двери, водитель повернулся к напарнику и радостно проговорил:

– Ну, Степаныч, теперь мусор сгрузим куда-нибудь и – по маленькой, – он выразительно помахал не толстой пачкой внезапно заработанных денег и пинком открыл дверь.

Давыдович поулыбался им вслед и, только они переступили за порог, запер дверь на засов и вывесил табличку «Закрето. Close». Потом он медленно обернулся и, стараясь поднимать как можно меньше пыли, приблизился к так внезапно свалившемуся на него шедевру.

– Дорогой мой, – прошептал он, осторожно приближаясь к поблескивавшему настоящим, старинной варки лаком громоздкому чудовищу из дерева.

Давыдович провел пальцем по финтифлюшкам, украшавшим каждую грань, по медным рейкам, оттенявшим естественную красоту дерева и сказал:

– Ну, какие же на свете бывают лопухи! Продать за полсотни шедевр восемнадцатого века. Ослы!

Еще не вполне веря своему счастью, Давыдович попробовал весь крепеж, осмотрел зеркала и решил заглянуть внутрь, опасаясь, что дубовые полки заменены на ДСП.

Дверца открылась с благородным скрипом, и вместо моли на Давыдовича обрушился достаточно тяжелый молодой человек, не подававший никаких признаков жизни. Давыдович от неожиданности сел на пол, раздавив коллекцию гербариев, которая стояла в коробках тут же. Общение со старинными вещами сделали антиквара до такой степени суеверным, что если бы вместо совершенно мертвого, по всей видимости, человека из шкафа выскочил черт с рогами, Давыдович не столь удивился бы. Присмотревшись, владелец лавки понял, что столь странным способом найденное тело, было вполне современным и молодым, и ничего мистического в нем не было. Взяв себя по этому поводу в руки и вспомнив, в какое время и в какой стране он находится, антиквар хлопнул по лбу рукой и сказал:

– Надо же, труп подбросили. Вот уроды!

Он поднялся с пола, подошел поближе и стал вслух думать, что же теперь с ним делать.

– Звонить ментам – так как я докажу, что не я его грохнул? Искать тех, кто этот шкаф сбыл с рук? Так где гарантия, что меня тоже в какой-нибудь трельяж не запихают?

Молоденький какой, – вздохнул Давыдович, который о своей молодости уже даже и не вспоминал. – И за что тебя, родимый, грохнули? Впрочем, если грохнули, значит было за что.

Антиквар устало посмотрел на неподвижное тело, на часы и почесал свой плешивый затылок.

– Вот что, мальчик, придется тебе на время поменять жилище. Пойдем-ка со мной, дорогуша. У меня есть саркофаг – настоящий, египетский. В нем тебе будет гораздо удобнее, поверь мне все-таки царская штука, не просто тебе, – так, приговаривая, Давыдович взял свою находку за воротник куртки и отволоч в заднюю комнату, где находилось хранилище различных старинных вещей, которые не умещались в зале.

Уложив парня в саркофаг и накрыв его крышкой, Давыдович, нервно напевая под нос какой-то национальный мотивчик, запер лавку и побежал прочь, по дороге продумывая свои дальнейшие шаги.

«От тела нужно отделяться срочно, пока кто-нибудь очень умный не разведет, где оно лежит. А кто узнает, что оно было у меня? Кто докажет? Просто отвезти его куда-нибудь за город и выкинуть в канаву, а там – кому повезет... Сейчас стоняю за своей лошадей и отправлюсь. И пусть кто-нибудь скажет, что я поступаю неразумно».

ГЛАВА 6. ОГРАБЛЕНИЕ ПО...

– Уже пора.

– Нет, не пора. Нам сказано в двадцать один десять, а сейчас только двадцать один один.

– Что ты заикаешься?

– Я не заикаюсь, я тебе время говорю! Смотри туда – видишь, дверь снаружи заперли на замок и на сигнализацию поставили. Сейчас почти стемнело, а через пять минут будет еще темнее, а потому – безопаснее, понятно?

– Ну вот! А как мы туда, по-твоему, войдем? Нам же сказали – пойти и взять. Теперь дверь на замке, работает сигнализация, а в темноте еще и поскользнуться можно – сам видишь – ступеньки мраморные.

– Ты что, плана не видел?

– Нет.

– Велено было с планом ознакомиться. Давай быстро читай, а то мы из-за тебя, дурака, сейчас все испортим. Прочел?

– Ну.

– Понял?

– А что это здесь мелкими буквами написано, я без очков не вижу.

– Идиот! Это же адрес завода, на котором бумагу делали.

– Что, нам еще и завод грабить придется?

– Придется и лес валить, если ты, чепушило, сейчас что-нибудь перепутаешь! Вылазь давай, пора.

Великолепная парочка вылезла из автомобиля, спрятав его за кафе, и, тревожно озираясь и то и дело переходя на бег, подоברались к одному из боковых окон музея.

– Это оно?

– Оно. Стучи.

– Не получается.

– Что не получается?

– Стучать не получается.

– Это почему?

– Я не достаю.

– Фу-ты, черт! Дай я. Ба, да оно разбито. В него не постучишь – можно обрезать.

– И что же теперь делать?

– Я не знаю. В плане сказано, что нужно постучать в это окно и нам откроют дверь. Кто же нам теперь дверь откроет?

– А может, это не это окно, а другое?

– В плане ясно нарисовано, вот смотри.

– Да, похоже. А может, все-таки не оно?

– Ладно, не гунди. Пойдем посмотрим в соседнее. Вот смотри – оно целое.

– Стучи!

Постучали раз, постучали второй. В здании – тишина.

– Я тебе говорю, что это не то самое окно. Наше окно разбито.

– Да, но шеф сказал, что мы только так можем попасть в музей незамеченными.

– Я думаю, что большой беды не будет, если мы с тобой пролезем в разбитое окно.

– В плане этого нет.

– Но в плане не было и того, что оно должно быть разбито.

– Может быть, план изменился, и нас не успели предупредить?

– Может быть и так. Я знаю одно: нам сказали пойти и взять. Иных способов пойти я не вижу. К тому же, не мы разбили окно и никто не сможет нас упрекнуть в том, что мы проникли в музей нашумев.

– Да, ты прав. А может быть позвонить шефу и сказать ему об этом?

– А у тебя что, новый тариф – «Экономный»?

– Нет. У меня и телефона-то нету.

– И у меня.

– Если нет телефона, значит, и звонить нечего. Вот все сделаем – тогда и позвоним.

– Согласен.

– Тогда пошли.

– Эй, ты куда? Сначала меня подсади.

– И то правда. Ну, иди сюда. Да не так! Больно же! Фу ты, черт, по голове только не топчись! Ну, ты и боров! Говорил я тебе, нужно меньше жрать, смотри вон – у тебя одышка.

– Я уже здесь! Догоняй! – голос Костика звучал звонко и сопровождался двусложным эхом, будто он сидел на дне колодца в чугунном горшке.

– Да не ори ты, иду!

Дуболомов тяжело прыгнул внутрь и сперва совершенно не понял причину радости своего напарника: в помещении было темно, как в гробу, и совершенно нельзя было определить направление движения.

– Смотри, что я нашел! – восторженно сказал из темноты голос Костика. И немедленно в глаз Дуболомова вонзилась красная игла.

– А-а-а!

– Ты чего орешь?

Игла исчезла, а вместо нее по полу и стенам запрыгал кроваво-красное световое пятнышко.

– Что это? – растерянно пробормотал ошеломленный Дуболомов, еще наблюдая одним глазом гаснущую алую вспышку.

– Это же лазерный брелок! Я о таком мечтал всю свою жизнь! Помню, как только они появились в продаже, я сказал жене: «Жена...»

– У тебя есть жена?

– Была...

– А где ты эту штуку взял?

– Я на нее прямо упал, когда с окна прыгал.

– Значит, она ничья, если нашел. Это хорошо. Это даже отлично. Мы-то с тобой фонарями не запаслись.

– А почему?

– Нам их не выдали. Машину выдали, патроны выдали, план выдали, а фонарей не давали. Я думал, что мы с тобой войдем и нам здесь свет включат.

– Какой же свет, если тут уже все закрыто?

– Ну, я не знаю. Я так подумал.

– А где тот, кто нам должен был отпереть?

– Я не знаю. Где-то здесь, видимо.

– И что – мы его должны дожждаться?

– Ничего об этом не слышал. Возможно, его и не должно было быть.

– Тогда, что дальше?

– Дальше – действуем по плану. Свети сюда. Ага, нужно двигаться в северо-восточном направлении – там вход в коридор. Давай компас.

– У меня подсветка не работает.

– И как мы теперь определим направление? Ты что, не мог, на дело идучи, поменять батарейку?

– Я на складе спрашивал, мне там ничего не дали.

– Ладно. Будем ориентироваться по звездам.

Дуболомов влез на табурет и высунул голову в окно, стараясь не пораниться о выступающие разбитые стекла. Он покрутил головой туда-сюда, косясь на небо, и снова влез обратно.

– Северо-запад там, – объявил он, вытянув руку в сторону прямо противоположную окну.

– Не знаю, где северо-запад, но тут снова какая-то дверь, – раздался с той стороны голос Костика. – И, кажется, она открыта.

Дуболомов, зажмурив в темноте глаза и вытянув вперед руки, пошел в заданном направлении, осторожно нащупывая ногами пол.

Они вышли в коридор, который заканчивался с одной стороны еще одной дверью, из-под которой была видна полоска тусклого голубого света.

– Нам туда, – переходя на благоговейный шепот проговорил Дуболомов, сверившись по схеме.

– А что там? – так же испуганно зашептал Костик, стараясь успевать за напарником и как всегда не успевая.

– А там – выставочный зал, а в выставочном зале – то, за чем на послали.

– И мы возьмем – и пойдем?

– Так сказал босс, – отозвался Дуболомов, хватаясь за ручку двери.

– Стой! А вдруг она под током?

Рука Дуболомова замерла на полдороги, а сам он в ужасе уставился на Костика.

– А ты почему знаешь?

– Так всегда бывает, – пожал плечами Костик, с укоризной глядя на напарника. – ты разве не знаешь.

– И что же теперь делать?

– Ну, я не знаю. Сначала проверить, что ли...

– А как?

– Ну, кинь на нее какую-нибудь железку. Если заискрит – значит, под напряжением.

– А монеткой можно?

– Ну, монетка тоже из металла – попробуй.

Покидали монеткой – вроде, не искрит.

– По-моему, ты просто гонишь. Нету тут никакого электричества. В конце концов, нас об этом никто не предупреждал.

И это не банк и не особняк какой-нибудь, а обыкновенный краеведческий музей...

Дуболомов решительно взялся за ручку двери и распахнул ее настежь, собираясь шагнуть внутрь.

– Стой! А вдруг там лазеры?

– Какие еще лазеры? – недовольно пробурчал Дуболомов.

– Я никаких лазеров не вижу.

– Так они наверняка невидимые! Их можно только по дыму разугнать. Я завидел, так обычно всяческие ценные экспонаты от грабителей защищают. Ставят экспонат под стеклянный колпак, а комнату лазерами просвечивают. Если ты в луч попадешь, то тревога сработает, и тебе крышка.

– По-моему, ты опять что-то выдумываешь. Босс ничего не говорил о лазерах. В плане этого нет.

– Так в плане уже многого не было. И человека, который нас должен был проводить – тоже не было. Он нам должен был дверь открыть, а потом лазеры выключить. А теперь его нет и нам пришлось лезть в окно и лазеры – включенные.

– И что теперь? – озадаченно спросил Дуболомов.

– Надо здесь надымить, чтобы лучи высветились. А потом пробраться, чтобы не задеть. Для этого нужно кого-то из нас с потолка спустить на подтяжках.

Потрясенный Дуболомов с уважением посмотрел на своего невзрачного спутника и спросил:

– Ты кем раньше работал?

– Билетером в видеосалоне, – невозмутимо ответил тот.

– Какая теперь разница? Давай лучше придумывать, что дальше делать.

– Не знаю. Я уже начинаю сомневаться. А твои лучи могут пол просвечивать?

– Наверное, могут. А может и нет. Может эта какая-нибудь несовершенная конструкция, и до пола они не достают. Да, я почти уверен в этом.

– Тогда ползем по-пластунски – авось пронесет.

– Ползем.

Наемники опустились на пол и, терпеливо сопя поползли по направлению к середине зала, освещенной только светом фонаря с улицы.

Доползая до центрального постамент, они перевели дух и Дуболомов сказал:

– Знаешь, мне кажется тут нет лазера.

– Я не уверен, но вполне возможно, что нет.

– Тогда почему мы лежим?

– Тогда давай вставать, – согласился Костик и первый подал пример, медленно и трусливо поднявшись на карачки, потом так же не спеша присев на корточки.

– Кажется, все спокойно, – не вполне уверенно проговорил он.

Дуболомов молча встал и выпрямился во весь рост, чувствуя себя снова одураченным этим странным товарищем.

– Идем, – мрачно сказал он. – Нужно взять экспонат и уходить – мы и так слишком долго провозились.

– Идем, – согласился Костик, отряхивая вытянувшиеся на коленях штаны.

Они прошли к интересовавшему их стеллажу и, подсвечивая себе лазером, стали читать надписи на экспонатах.

– Здесь, – увидев нужную, остановился Дуболомов.

– Что – здесь? – поинтересовался Костик.

– То, что у нас просили, лежит здесь. Вот написано: «Фамильная печать Богородьевых. Ручная работа, восемнадцатый век...»

– Что написано – вижу. А что нам надо – нет.

Дуболомов проследил взглядом за лучом лазера и спросил:

– Я что-то не понял. Эта надпись к чему-то относится или она здесь просто так?

– Вот и я у тебя спрашиваю. Я тут кроме пустой витрины ничего не вижу.

– Черт, как же так? Оно же должно было быть здесь...

– Может быть ты что-то перепутал?

– На, сам посмотри.

– Я ничего не вижу – темно же. А, спасибо, что догадался включить свет.

– Но я не включал свет...

– Но он загорелся.

– Значит, это сделал кто-то другой.

Друзья не успели закончить свои коллективные логические построения: дверь в противоположном конце зала открылась и в нее влетело несколько милиционеров. Они держались обоими руками за пистолетами, вращали глазами и истошно кричали:

– Стой! Руки вверх!

Напарники переглянулись и медленно выполнили приказ.

* * *

Попал он крепко – это явствовало из того, что ему совершенно не было понятно происхождение ключей, болтавшихся у него на пальце. Если принять во внимание, что при этом ему было совершенно не ясно, как его зовут и кто он такой, а вокруг не было никого, кто бы это ему напомнил, то было очевидно – придется справляться с этим самому. В голове очень сильно гудело, и это так же мешало соображать.

– Нужно рассуждать логически, – произнес он наконец вслух и даже не заподозрил, насколько это для него нехарактерно. – Если есть ключи – значит, есть что-то, что ими открывается. Скорее всего, это – мои ключи и открывается ими моя комната, мой портфель или что там еще. Таким образом, у меня есть портфель и есть комната. Нужно их срочно найти.

Он подскочил на ноги и, превозмогая тошноту, слез с кучи кирпичей вниз. Здесь вся его решимость и понимание ситуации моментально улетучилась. Насколько можно было судить, никаких признаков его комнаты и его портфеля (или чего там?) поблизости не наблюдалось. По близости наблюдалась только одна из городских свалок и дымящаяся труба.

– Дым – значит огонь, – снова рассуждал он гудящим от непривычного напряжения мозгом. – Огонь – значит люди. Я – человек, мое место среди людей.

Он уверенно зашагал в сторону свалки, перевесив на всякий случай ключи на длинную цепочку на шее. Приблизившись к свалке, он действительно увидел людей, которые, по его смутным подозрениям, прямо здесь и жили, а потому вполне гармонировали с местным пейзажем. Во всяком случае, не контрастировали с его ароматом. Люди были заняты глубокомысленными и непонятными ему манипуляциями с мусором.

– Скажите, – заговорил он с ближайшим из них. – А вы меня, случайно, не знаете?

– Чего?

– Вы со мной случаем не знакомы? Мы не встречались раньше?

Человек остановился и некоторое время с нескрываемым интересом разглядывал прищельца с головы до ног. Сам парень проследил за взглядом человека и убедился, что его собственный облик ничем особенным не отличается от облика туземца: та же рваная одежда и строительная пыль толстым слоем. Потерявший память Валентин сразу же понял, что он явно принадлежал каким-то образом к этому обществу.

– Ты с соседней барахолки, что ли? Той, где стройматериалы? – подтвердил эти подозрения человек, кладя что-то в рот и смачно жуя. – Тама же всех перебили надьсь серпуховские.

– Ну, всех перебили, а я вот, видимо, остался, – сокрушенно признался Валентин, в душе которого шевелились какие-то смутные воспоминания, которые почему-то никак не состыковывались с зародившейся версией. Но воспоминания становились все более мутными и вообще исчезли, а стоящий перед ним и смердящий мужик – остался.

– Только я ничего не помню, – признался Валентин. – И как зовут, и откуда я взялся. Головой ударился. Вот, – он наклонился и продемонстрировал мужику длинную рану с запекшейся уже по краям кровью.

– Арматура, как пить дать, – авторитетно констатировал мужик, рассмотрев рану и потрогав ее грязным пальцем. – Поди, серпуховские и настучали по тыкве. Ну ты ниче, не дрейфь. Ты теперь не пропадешь, К себе на свалку не ходи – там все одно никого нет. Понимаю – бизнес бросать не хочется – все ж прибыль с твоих битых кирпичей какая-никакая. Но уж извини – теперь брат будешь жить по-простому, как мы все.

Бормоча подобным образом вещи, Валентину совершенно непонятные, мужик вел его по направлению к горевшему невдалеке костерку, у которого, при ближайшем рассмотрении, скопилась тесная компания шумных и грязных сородичей этого аборигена.

– Здорово, братки, – сказал он, вступая в круг света.

– Я тут строительного привел. Всех перебили, а он уцелел.
Только башка проломленная и не помнит ничего.

– А может, ты гонишь, Палыч? Че-то он на местного не похож – обноски у него больно новые.

– Молчи, Соска! Будто ты дело знаешь. Строительные всегда одевались хорошо, у них калым – сечешь? Я теперь парня к себе в урюки возьму. Попробуй кто обидь – глаз на жопу натяну.

Со всех сторон раздался гул – сперва одобрительный, а потом и встревоженный.

– Садись, братан, – растолкал Валику место его «протеже». – Щас мы поедим и баиньки.

– Как я буду есть, если я даже не знаю, как меня и звать?

– И не скажи! Без имени как и нет тебя. Только ты его сам вспоминай – у тебя погоняла, поди, была, А погонялу как придумают – хрен угадаешь.

– Да не – у меня нормальное имя было. Человеческое.

– Тогда давай я тебя буду разными именами называть, а ты прислушивайся к своим чувствам – зацепит или нет. Погнали?

– Ну, давай попробуем, – согласился Валентин, который не знал даже, что он – Валентин.

– Санек?

– Вроде нет.

– Диман?

– Тоже не подходит.

– Игорян?

– Не то.

– Ну, тогда Витек.

– Не, не Витек.

Сидящий рядом бомж поднялся и, покрутив у виска пальцем, отправился восвояси.

* * *

Ждать пришлось долго – Марина почему-то не шла и не шла. Женя начинала нервничать и ругаться, а за окном между тем стемнело.

– У, кошелка, – пробормотала Евгения, заводя мотор.

– Ну, и шатайся теперь пешком. А я, пожалуй, пока перекушу.

Она решительно газанула и помчалась к ближайшей закусочной, вспоминая, что у нее во рту кроме утреннего гамбургера и не было ничего. Притормозив на светофоре – уж очень сильное было поперечное движение, Жени прибавила громкость у радио и стала в зеркало заднего вида разглядывать водителя следующей за ней автомашины. Она совсем было собиралась удивиться, узнав сидевшего за рулем человека, но тут услышала, как в ее собственном автомобиле хлопнула дверца. Жени резко повернулась и уперлась лбом прямо в холодное дуло пистолета. Вслед за этим раздался мелодичный мужской голос, который мягко, но настойчиво заявил:

– А теперь – по газам и не дергайся, а то башку снесу. Если есть оружие, советую отдать сразу, а то потом придется отстрелить его прямо с твоей рукой, ясно?

Жени медленно перевела взгляд на дорогу, не успев разглядеть владельца пистолета и пленительного голоса, но медлить было нельзя – сзади во всю сигналили.

– Куда ехать? – хриплым от волнения голосом спросила Женя, судорожно вцепляясь в руль.

– Прямо, – лаконично ответил голос и немедленно запахло сигарой.

Женино сердце забилося, как сумасшедшее: вот оно, началось!

«Я – заложница! Я – заложница!» – радостно прыгало в ее голове.

Жени врубила радио погромче и яростно нажала на газ, рванувшись с места, словно за ней гнались волки.

ГЛАВА 7. В ЧЬЕМ-ТО ЧУЖОМ УМЕ

– Значит так. Ключей мы не нашли. В комнате был кто-то до нас – я его в окно видел, пока он падал. Но куда он упал я не видел, а когда мы вниз прибежали, там никого не было.

– То есть, вы снова провалили дело?

– Но шеф, я же вам объясняю – мы не причем. Этот тип, он, наверное, был контрразведчик.

– С чего вы взяли?

– Ну, у них всегда такая техника, шеф.

– В общем так. Мне не важно, кто был этот малый, который унес ключи. Мне так же не важно, где вы его найдете и найдете ли вообще. Мне важен результат, а результат должен быть следующий: ключи и тот идиот, который их украл, должны быть здесь в течение недели, а каким образом вы это сделаете – меня это не волнует.

– Что ж тут неясного, ясно.

– Можете идти.

– Да, Папа.

– Идиоты.

* * *

Добежав до Тверской, Давыдович прошмыгнул в подъезд, расшаркавшись с неприятного вида дежурным, и зашагал по крутым лестницам на пятый этаж – лифтов он боялся. Возле массивной дубовой двери он чуть помедлил, а потом вдавил кнопку звонка и подождал, пока полонез Агинского доиграл до конца.

Открылась дверь не сразу, но сразу – широко. Мелькнула униформа горничной и Давыдович, немея от зависти, прошел через анфиладу заставленных коллекционной мебелью комнат в кабинет хозяина. Оттуда раздавались возбужденные голоса и, уже вплотную приблизившись, Давыдович расслышал:

– Нет, нет и нет, я вам говорю! Я не могу, я слишком занят!

Антиквар замер на месте в нерешительности, подозревая, что хозяин квартиры – его бывший однокашник Зайцев – не только занят, но и зол. Потом Давыдович припомнил, сколькими метрами этой благоустроенной квартиры и сколькими тоннами доброкачественных шедевров ему обязан Зайцев, и в нем проснулась национальная гордость. Он шмыгнул своим выдающимся носом и решительно вошел в кабинет.

В кабинете было необыкновенно накурено. Было удивительно, что весь этот дым произведен двумя вполне приличными на вид мужчинами, один из которых навис над столом, а второй удобно расположился в кресле.

– А, Миша! – воскликнул нависающий над столом. – Сколько лет, сколько зим! Проходи-проходи, ты как раз кстати. Разрешите представить вам, Александр Александрович, моего старинного друга и выдающегося специалиста в области истории материальной культуры...

Сидящий в кресле лениво приподнялся и, пытливо посмотрев на нос Давыдовича, протянул ему руку:

– Вилков, – коротко представился он. – Я, наверное, чего-то не понимаю, но, видимо, наши с вами, Олег Валерьевич, переговоры, лучше отложить на более подходящий момент... – А вот я так не думаю, – сухо сообщил свое мнение что-то уж очень разнервничавшийся Зайцев. – Я думаю, ваше предложение мы можем переадресовать моему коллеге и бывшему однокашнику, который с неменьшим успехом справится с этим заданием.

– Вы находите? – поднял свои брови Вилков и стал еще более заинтересованно рассматривать нос антиквара, который стоял и молчал, понимая, что он снова встрял.

Давыдович никак не мог придумать предлог вывести Зайцева из комнаты и объяснить ему свое дело, а еще меньше ему представлялось теперь, под каким предлогом теперь можно уйти.

– Дело в том, – тараторил Зайцев, который и раньше-то умом и сообразительностью не отличался, а теперь – так что-то особенно, – что вот этот вот господин, с которым мы встречались до сей поры не очень часто, а теперь, пожалуй, вообще прекратим эту позорную практику, предлагает мне одно дело, которое меня, как специалиста высокого класса и эксперта с мировым именем не очень интересует, а тебе, Михаил, было бы совсем не дурно этим заняться. Опять же бизнес свой расширишь.

Зайцев посмотрел на Давыдовича, который уже стал розоветь от досады, но по-прежнему упорно молчал, проклиная этот день и все дни вообще.

– Суть дела в следующем, – начал медленно и весомо Вилков. – Существует некий господин, который во что бы то ни стало хочет заделаться заправским дворянином. На то у него есть деньги, а потому зачем ему это надо – вопрос излишний. Этому господину кровь из носу нужно достать соответствующие документы, а проще говоря – их подделать. Но подделывать документы обычными способами в этом случае не совсем уместно: сами понимаете – старина. Есть на белом свете нужные люди, только живут они все в такой глуши, что и на джипе не проедешь. Вы сами понимаете, что мой клиент – человек деловой, а потому не может позволить себе длительный отпуск в разгар трудовых будней. К тому же, мне кажется, общение со всяческими старцами и монахами-схимниками сподручнее человеку хоть каким-то образом знакомым с родной культурой. Мой клиент – человек прозападный, и все эти иконки-самовары только в магазине на Арбате видел. Вот мы и решили нанять человека, который бы съездил в командировочку и уладил это дело без всяческих проблем. Платим хорошо.

– А я тут причем? – наконец прорвало уже пропотевшего от нетерпения Давыдовича. – Я просто к другу зашел. Мне машина нужна. У меня – личные проблемы.

– Мишенька, котик, – вдруг запричитал Зайцев. – Твои личные проблемы разрешаться сами собой. Вот этот господин тебе их обещает исправить, правда?

Вилков подумал секунду и кивнул.

– А ты поможешь ему. И мне, разумеется. Соглашайся, а?

Давыдович с ненавистью посмотрел на ноющего Зайцева, с отвращением вспомнив, как в студенческие годы тот всеми правдами и неправдами отмазывался от полевых работ на раскопках и понял, почему ему так не хочется ехать. Потом антиктвар вспомнил про труп в своем шкафу и подумал, что нет ничего лучше, чем сбросить эту проблему кому-нибудь на плечи. В крайнем случае, тело можно положить в багажник и выкинуть по дороге – ехать видимо предстояло далеко.

– Ладно, – неохотно сказал он. – Сколько платите, куда ехать, с кем общаться?

Вилков с готовностью выложил перед ним несколько тугих бумажных пачек и сказал:

– Это – задаток.

Уже через полчаса они ехали по направлению к авиационным кассам и мило беседовали.

– А какие у вас, Михаил, проблемы?

– Да, как вам сказать, – Давыдович покосился на невозмутимого Вилкова и с минуту поколебался – доверять ему или нет. А вдруг он после вытащит удостоверение работника ФСБ? Знает он такие штуки!

Потом антиквару, карманы которого были тяжелы от долларов, вдруг стало все равно, и он сказал:

– У меня труп в шкафу.

На это Вилков деловито спросил:

– Какой труп? В каком шкафу? Телефон, адрес?... Да езжай ты, коза пуховая! Напокупают права, а ездят, как по подиуму ходят! Фигли ты оглядываешься, езжай!

Застрявшая впереди перламутровая «Тойота» вдруг взревела двигателем и рванулась прочь.

* * *

Имя ему так и не выбрали. Собрались большой толпой и перебрали всех своих знакомых. Даже припомнили какого-то Висаулия – ничего не помогало. В конце концов все обессилено замолчали, и только Егорыч все чесал затылок и припоминал имя какого-то идиота из сериала.

– Ну, брат, будешь у нас тогда безымянным пока. Перекрещивать человека – не дело. Ежели не вспомнишь, будем тебя по отчеству звать, хоть и салажонок еще, – заявил Валин провожатый. – Есть у тя отчество, малец?

– Не помню.

– Это ничего. Будешь тогда Батькович. А теперь – спать, завтра в город поедem.

– В город? Это зачем? – оживился Валентин, который чувствовал, что в городе с его головой будет полегче.

– За надом! Не суй свой нос, куда не следует.

– И я поеду?

– Нет. Ты будешь здесь в бой-скаутов играть.

– Как это?

– А очень просто. Игра называется «береги природу, мать твою».

– А правила какие?

– Правил никаких, а смысл простой: сортировка мусора по шести основным видам. Показываю в последний раз: берется мусор и сортируется на стеклянный, деревянный, пластиковый, съедобный, бумажный и ни на что не похожий. Все складывается по отдельным пакетам и отмывается в реке до зеркального блеска...

– А проще нельзя? Я не запомню.

– Проще – можно. Вариант два: сортировка мусора по двум видам – на съедобный и несъедобный. Съедобный собираешь, несъедобный выбрасываешь. Ясно?

– А где мы спать будем?

– Где стоишь, там и спишь – вот главное правило ночевки в нашем кемпинге! – Палыч отвернулся и захрапел.

Безымянный теперь Валентин посмотрел на угли догорающего костра и тоже улегся. А когда проснулся, никого уже не было вокруг и только вдалеке маячили фигуры вышедших на промысел товарищей. Валентин глубоко вздохнул и принялся за работу, недоумевая, почему же ему, прожившему всю свою жизнь на свалке, до сей поры так хочется блевать?

* * *

Доживя до тринадцатой своей реинкарнации в теле восемнадцатилетнего оболтуса, он вдруг понял, что время снова стало течь медленно и однонаправленно. Течением времени унесло последние яркие видения и стало видно...

Кстати, ничего не стало видно.

«Я ослеп», – такова была первая мысль, возникшая в его голове в этом трипе. Трип был скучноватый: было тесно, темно и ничего ровным счетом не происходило.

– Ну же, – произнес он нетерпеливо, пытаясь понять, в чем тут прикол.

– А прикол в том, что это все в стихах, – ответил он сам себе и сам над собой рассмеялся.

– А что, если меня не глючит, а правда умер? – спросил он себя же, припоминая, что такая возможность существует. – Так вот какая бывает смерть.

Он ощупал себя рукой.

– Я совершенно не изменился, разве что хвост отпал. Он на секунду засомневался, что воспоминание о хвосте – реальное. Решив, что сейчас об этом думать бесполезно, он продолжал исследование.

– Ну точно, я в гробу, – от этой мысли стало весело. – Ха-ха, меня закопали живьем!

Поугорав над комичностью ситуации, он стал выть, гудеть и орать, стараясь произвести по возможности большее впечатление на возможных посетителей кладбища. Потом мысли снова просветлели и по коже побежали мурашки:

– А как же я обратно? Эй! Люди!

Он поднял урки и стал с силой колотить в крышку. Крышка от его ударов вдруг прыгнула и пропустила внутрь немного света. «Похороненный заживо», вне себя от радости, начал пыхтеть, ворочаться и напрягать свои атрофированные мускулы, пытаясь отодвинуть эту несносную тяжелую крышку. Как только это удалось, он выпрыгнул наружу и огляделся.

– Ну, я же говорю – меня все еще прет, объявил он полутемной комнате, заставленной какими-то многочисленными предметами. – Только что был под землей – теперь...

Он оглянулся, пытаясь выяснить, где же он теперь. Было ясно, что сумерки, было ясно, что тесно, но больше – ничего ясного не было. По стенам медленно проплывали какие-то светящиеся тени и раздавались какие-то тихие голоса.

– А может, я правда умер? – растерянно спросил себя «мертвец» и стал пробираться сквозь завалы.

Немедленно посыпалась посуда, загромыхали какие-то большие предметы и запахло столетней пылью.

– Наверное я эта... египетская... Как ее там? Ну, худая в бинтах... А это, наверное, эта... в которой заживо хоронят этих...

Озадаченный собственной филологической беспомощностью, он присел на какую-то мраморную плиту и призадумался. Стоило это только сделать, как из всех углов полезли хохочущие рожи, а пол под ногами стал дымиться. В конце концов, ему это надоело и он сказал вслух:

– Заткнитесь! Не видите – я думаю?

Галлюцинации понуро разбрелись по своим углам, а Лелик тяжело вздохнул и понял, что он ничего так и не понял. В конечном счете было решено что-то делать, в частности – выбираться отсюда подобру-поздорову.

Только эта мысль пришла ему в голову, как откуда-то донесся тревожный стук.

– Кто здесь? – вскочил Лелик.

Стук доносился как будто из-за стены. Продолжая отбивать колени об углы, разгонять руками парящих в воздухе крылатых девушек, Лелик ломанулся на звук и врезался в шкаф, набив себе в добавок еще и фиолетовую твердую шишку. Обогнув шкаф, он выбрался в уже более светлое помещение, одна стена которого была стеклянная. Сквозь стекло просвечивала улица, которая показалась Лелику самым реальным, что он видел за последние тринадцать реинкарнаций. А еще за стеклом был виден источник тревожного стука. Судя по шапке-ушанке, это была девушка. Она до такой степени напоминала Лелику попугая из старинного мультфильма, который его силком заставляли смотреть в детском саду, что он немедленно кинулся ей на помощь с криком:

– Кеша!

Дверь долго не хотела открываться даже после того, как Лелик справился с задвижкой. Он изо всех сил тянул ручку на себя и чувствовал все большее сопротивление. Девушка за

стеклом что-то уж очень волновалась и тоже держалась за ручку, жёстами что-то показывая Лелику.

– Что? – не расслышал Лелик и отпустил ручку двери. Дверь как-то быстро открылась, а девушка как-то очень быстро улетела куда-то, не успев отпустить ручку двери. Лелик поспешно выбежал следом и обнаружил только торчащие из ближайшего сугроба ноги в кроссовках. Лелик, пытаясь избавиться от видения оранжевого апельсина размером с дом, подбежал к сугробу и стал вытаскивать девушку, стараясь не оторвать ей ноги, и бормоча: «Главное – вовремя извиниться». В конце концов, из сугроба появились сначала девушкины ноги, потом – руки, затем – вся она, без шапки и очень белая.

– Извини, – пробормотал Лелик, улыбаясь до ушей.

Девушка поднялась на ноги и двинула ему в челюсть так, что он ввалился в ту же дверь, из которой вышел, и затих. Девушка отряхнула снег с пальтишка, нашла в сугробе шапку и подошла к поверженному врагу. Взяв его за запястье, она стала вслух считать:

– ...пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Нокаут!

Довольная собой, она в конце концов рассмотрела героя как следует.

– А он ничего, – вдруг пробормотала она и стала шлепать его по щекам.

Когда Лелик открыл глаза, он увидел склоненное над ним нахмуренное лицо в белой ушанке и спросил:

– А сколько сейчас времени? И какое число?

– Двадцать один двадцать. Двадцатое декабря. Президент – Владимир Путин, – невозмутимо ответила девица. – Где тот лысеющий хрен, у которого я сегодня лопату спрашивала?

Лелик зажмурился, в уверенности, что это – продолжение галлюцинаций. Однако, открыв глаза он снова увидел над собой потрескавшийся потолок и неприветливое девичье лицо.

– Какой лысый хрен? Здесь кроме меня никого нет, – решил заговорить с видением он.

Потом вспомнил самый верный способ проверить, явь это или его по-прежнему прет – нужно сосредоточиться и пристально рассмотреть видение. От этого галлюцинации обычно рассеиваются. Лелик вытаращил глаза и уставился на девушку.

Та даже на пол села от его взгляда.

– Ты чего? – хмуро спросила она, потирая ладонью оцарапанный лоб и ощупывая лицо в поиске еще каких-нибудь повреждений.

– Ничего, – ответил Лелик, сообразив, что девушка – настоящая. – Клево дерешься!

– Ну, немного, – она была явно польщена. – Может, поспарингуемся?

– Я – пацифист, – сообщил незнакомке уже вполне пришедший Лелик и в доказательство продемонстрировал татуировку «воробыиной лапки» на левом локте.

– А я – Марина, – протянула девушка ладонь для крепкого рукопожатия.

В руке у Лелика что-то хрустнуло, но он все же ей улыбнулся.

– Значит, ты не знаешь, где хозяин этой шараги? – Марина стукнула кулаком по гнутой ножке какого-то секретера.

– Нет, я даже его не знаю.

– А как ты сам-то здесь оказался?

– Сам не знаю. Я здесь просто оказался.

– Ясно, – Марина с подозрением посмотрела в мутные глаза собеседника, видимо подозревая в не совсем честном умысле. – Ты тут уже все осмотрел?

– Мне кажется, я тут все поломал. Но ничего не видно было.

– Понятно. А почему, скажи пожалуйста, магазин бросили на такого подозрительного типа, как ты?

– Я же тебе объясняю – я ничего не знаю. Мне самому интересно.

– Ладно, – отчаявшись добиться хоть какого-то толка Марина. – Допустим, все так, как ты говоришь. Ну, ты, по крайней мере, присутствовал здесь, когда сюда шкаф привозили?

– Не помню никакого шкафа.

– Понятно. Может, мне не тот адрес дали?

Лелик вежливо промолчал.

– Ладно. Все равно надо все проверить. Слушай, ты боишься мертвецов?

– Не встречал, а что?

– Понимаешь, тут в каком-то шкафу должен быть труп.

– Чего? – Лелик посмотрел на Марину и подумал:

«Это меня прет или ее прет?»

– Понимаешь, кто-то спрятал труп в одном шкафу, который подали, по всей видимости в этот магазин...

Марина в своей увлеченности совершенно не обратила внимания на то, как подозрительно смотрит на нее новый знакомый. Лелик в это время рассуждал так:

«Не знаю, чего обглоталась, но врет складно. А может она просто чокнутая? Точно, чокнутая! Ну, станет нормальная телка ломиться посреди ночи в магазин, чтобы спасти какого-то дохляка?»

От мысли, что ее сумасшествие может быть буйным и припомнив классный удар, которым она его уже наградила, Лелику стало несколько боязно и он постарался как можно незаметнее отодвинуться от Марины.

– Куда? – прервала она свой рассказ. – Ты, может быть и вор, но я тебя не сдам. Только ты мне поможешь. Мне этот урод мертвый, конечно, на фиг не сдался. Но надо же этой лохушке мажористой отомстить!

– Не понял, – признался Лелик. – Из всего, что ты сказала, ни слова не понял. Кто вор? Какой лохушке?

– Это не важно, – отмахнулась Марина и стала подниматься на ноги. – Ну, будешь мне помогать? Тогда пошли.

Лелик нехотя последовал за Мариной, хотя ему и не улыбалось снова очутиться в этой страшной темной комнате.

– Может, что-нибудь тяжелое возьмем? – громко прошептал он, прячась за широкую девичью спину.

– Зачем?

– Ну, для самообороны.

– Дурак! Он же мертвый.

Лелик смущенно замолчал.

Марина вошла в заднюю комнату и очень быстро нащупала выключатель. Она посмотрела на сошурившегося от света Лелика и радостно отметила:

– К нам приехала делегация китайцев!

– Где? – испуганно оглянулся Лелик. Марина заржала, как молодая кобылка.

– Ну, пацифист, ты, я смотрю, знанием фольклора похвастать не можешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.